

Академия Пяти Стихий. Искры огня

Автор:

Анна Платунова

Академия Пяти Стихий. Искры огня

Анна Сергеевна Платунова

Академия Магии Академия Пяти Стихий #1

Я родилась в семье могущественных волшебников. Завтра мне предстоит отправиться на обучение в Академию Пяти Стихий. Маги огня, воды, земли и воздуха издавна обучаются здесь, совершенствуя свое мастерство. Ведь мы, стихийники, нужны для того, чтобы защищать простых людей от бестий – смертоносных созданий, приходящих в наш мир неведомо откуда.

Вот только у меня нет дара. Я – пустышка. Позор рода. Мне нечего делать в Академии, но, к сожалению, поступление туда – традиция, которую мне не изменить. Шесть лет унижений ждет меня впереди. Остается только взять волю в кулак и смело глядеть в глаза своим обидчикам.

А какова Пятая Стихия, спросите вы? Не знаю. Никто не знает.

Анна Платунова

Академия Пяти Стихий. Искры огня

Глава 1

Не дождетесь!

Я стояла на гребне крыши и смотрела вниз, на двор, покрытый осенней разбухшей грязью. Ветер трепал волосы и закручивал вокруг ног длинную юбку, толкал в спину. Так, пожалуй, упаду раньше времени, даже не успею подготовиться. Хотя, может, и хорошо?

Ветер, словно услышав мои мысли, завыл над ухом, забрался ледяными руками за шиворот. Я покачнулась, но в последнюю секунду выровнялась. Я хотела сделать это утром, но смалодушничала почему-то. А сейчас самое подходящее время: темное небо и мое юное тело, распростертое внизу...

Я представила, как живописно я воткнусь носом в землю, и загрустила. Совсем не романтичная картина, прямо скажем. И сдается мне, братья и сестры вовсе не станут рыдать, а скорее посмеются напоследок. «Опять Корявка учудила!» Так и слышу голос этого балбеса Димера. Посмеются и ужинать пойдут.

Ну и ладно. Зато наступит конец всем моим мучениям. И не придется ехать в ненавистную Академию. И никто больше не посмеется над неуклюжей и бездарной Корявкой. Напрасно я ношу великое имя рода Флогис – за всю жизнь не смогла сотворить ни малейшего огонька, ни искорки. Позор, позор на весь род. И ладно бы еще только это!

Ветер недвусмысленно огрел меня по спине. Давай, мол, Кора Флогис, и так зажилась ты, никому не нужная на этом свете.

А умирать все-таки было жаль. Не хотелось умирать, прямо скажем, но и жить так, как я сейчас живу, невыносимо. И дальше будет только хуже. Утром меня, самую младшую в семье, отправят учиться в Академию Пяти Стихий, туда, где уже учатся старшие братья и сестры. А я мало того что не обладаю даже слабеньким магическим даром, так еще и физически слаба.

Женщины рода Флогис всегда сражались наравне с мужчинами. Брида, старшая сестра, мастерски владеет мечами. Вредина Грета стреляет из лука так, что даже папа одобрительно крикает, глядя, как стрела входит точно в середину мишени. А мама в молодости могла делать и то и другое. Она и сейчас выйдет на защиту крепости, если возникнет такая необходимость. Даже после рождения

пяти детей не потеряла формы.

Про Димера и Фроста даже вспоминать не хочу – выскочки и высокомерные засранцы. За всю жизнь доброго слова от них не слышала. Это, кстати, Димер придумал звать меня Корявкой. Каждое утро я слышу: «Корявка опять не сможет отжаться и пяти раз! Корявка, ты болтаешься на этой перекладине, какдохлый червяк! Корявка, чучело сейчас помрет от смеха, ты пытаешься заколоть его мечом или пощекотать?»»

Свет не видел более мерзких и гадких братьев. Да и сестры им под стать. Я никогда не стану для них своей. А уж когда они начинают кичиться друг перед другом, кто какие огневики умеет создавать, так хоть плачь. Димер потрет ладони и выпускает в небо огненного дракона. Фрост небрежно тряхнет рукой, и с кончиков пальцев слетают искры, которые мгновением позже превращаются в огненные цветы. Грета себе как-то огненные крылья отрастила. Но затмила всех Брида на летнем празднике богини Солнце – ей доверили ритуальный костер зажигать, так она явилась в платье, сотканном из пламени, и небрежно так золотую огненную розу с плеча сняла, и – хоп ее на сухие дрова – пламя взметнулось до неба.

Обидно! Помню, я маленькая была, родители еще надежды не теряли, что мой дар когда-нибудь проявится. Держали над очагом вверх тормашками, даже как-то косу подпалили. Сколько угодно разрешали баловаться с огнем – в родовом замке Флогисов пламени не боятся, оно нашей крови подвластно. Как-то я пыталась устроить пожар – тяжелая занавеска на окне долго не хотела загораться, тлела и курилась дымом, но потом все же неохотно занялась. Отец заглянул в комнату, щелкнул пальцами, и огонь моментально, даже как-то стыдливо, погас.

Недавно я подслушала разговор родителей, после которого и решила, что незачем мне задерживаться на этом свете.

– Она словно и не наша дочь вовсе, – сокрушенно говорила мама. – Если бы не рыжие волосы и глаза, которые точь-в-точь как у тебя, Леннарт, я бы подумала, что подменили. Ничего в ней нет от рода Флогис. Кухаркина дочь, да и только.

– Так, может, не отправлять ее в Академию, Аста? Засмеют ведь. Она ведь пустышка. Даже великий род не застрахован от появления такого ребенка.

Бедняжка не виновата.

Пустышка. Мое сердце болезненно сжалось. Ладно братья всю жизнь смеются надо мной, и для сестер я досадное недоразумение, но родители всегда были со мной добры и по-своему ласковы. А они, выходит, воспринимали меня как калеку, которую пожалеть нужно.

– Нет, пусть едет, – сказала мама, и я не поняла, чего больше в ее голосе – злости или отчаяния. – Пусть едет... Вдруг...

Она продолжала надеяться на что-то? Напрасно. Я точно знала, что я – позор рода Флогис, пустышка, у которой никогда не будет магической силы, слабосильная Корявка, которая чем раньше избавит мир от своего бесполезного присутствия, тем лучше.

И вот я стою на крыше и собираюсь прыгнуть. Всем сразу станет легче. Поплачут и забудут.

Тучи вдруг расступились, и в прореху выглянуло Солнце: покровительница дома Флогис. Посмотрела на меня ласково.

– Я ведь права, мать Солнце? – спросила я, задрав голову к небу. – Так ведь лучше будет?

Мать Солнце прикоснулось к моей щеке теплым лучом, словно хотела приободрить, утешить.

Я всхлипнула, вытирая проступившие слезы. Да, в Академии придется несладко. Как выжить среди всех этих снобов – отпрысков богатейших и знатных родов? На защиту братьев и сестер рассчитывать не приходится. Дара у меня нет. Меч я едва двумя руками могу удержать. И все же...

– Не дождетесь! – сказала я.

Наклонилась вперед и от души плюнула в грязь.

Глава 2

Темнота – это то, к чему следует привыкать

Перед последним ужином в семейном доме я пошла навестить бабушку. Поднялась в башню по темной, пыльной винтовой лестнице. Здесь почти никто не ходит, только отец иногда. Я шла при неровном свете пламени свечи, придерживая одной рукой пышную юбку. Горячий воск плавился и стекал по руке, словно лишний раз пытался напомнить о том, какая я бездарная. Отцу, матери, братьям и сестрам не понадобилась бы свеча для того, чтобы осветить себе путь, – они бы выпустили из ладони светящийся шар, немного похожий на те, что выдувают деревенские мальчишки из соломинок, намешав в тарелке мыльную воду.

Я переступила порог маленькой темной комнаты без окон, так что даже не сразу получилось разглядеть темную тень у стены. Но бабушка всегда стояла на одном месте, так что я нашла бы ее и с закрытыми глазами. Подошла и почтительно замерла рядом. Огонек свечи бросал неровные отблески на морщинистое суровое лицо, глаза смотрели строго, словно бабушка разгадала мои недавние мысли. Хотя, может, и разгадала, кто знает.

Мастер, что лепил из глины ее фигуру, бабушке польстил. Сейчас бабуля выглядела куда стройнее и лет этак на десяток моложе, чем была при жизни. Но все же это была моя бабушка.

– Привет, бабуля. Это Кора. Я пришла попрощаться. Завтра уезжаю в Академию.

Бабуля промолчала. Она обычно всегда молчала. Особо не поболтаешь, когда в тебе одна-единственная искра жизни. Мама рассказывала, что в големе ее прадедушки запечатано не меньше десятка искр. Вот тот настоящий болтун, даже шутит, как живой. Но тут уж как повезет. Не всегда удается поймать последнее дыхание умирающего да иметь при себе свежую глину, чтобы поймать искры, что вырвутся наружу с его последним выдохом, когда душа огненного стихийника будет покидать тело. Папе удалось поймать одну искорку, оставшуюся от бабули.

С ним она иногда говорит. Редко-редко, и все же. А мне пока и слова не сказала, хотя мне всегда казалось, что она искренне меня любила. Я скучаю по ней.

Я наклонилась и поцеловала холодного глиняного голема в гладкую щеку.

- Пока, бабуля. Надеюсь, еще увидимся.

Прощальный ужин прошел традиционно. Димер и Фрост, прилизанные и одетые в традиционную одежду дома Флогис, усиленно строили из себя приличных отпрысков великой семьи. Они сидели по правую руку отца с одной стороны стола. Мама и вредины-сестрички в своих лучших нарядных платьях, с волосами, уложенными в высокие прически, с другой стороны. Все ждали только меня. Я же только сейчас сообразила, что выгляжу неподобающим образом. Волосы распущены, да что там распущены – на голове полный бардак, ветер постарался на славу. Юбка в грязи и заляпана воском. Я попросту забыла переодеться к ужину.

Мама посмотрела неодобрительно, сестры поджали губы. Эти же два болвана, что звались моими братцами, не выдержали. Маски благовоспитанности, нацепленные на физиономии, быстро с них слетели. Димер толкнул локтем Фроста, и оба фыркнули, а потом залились смехом.

- Корявка, она и есть Корявка, – подвел итог Димер, но отец кинул на него острый взгляд, и братец стух.

- Садись, Кора, – кивнул он, делая вид, что не замечает моего нелепого наряда и растрепанных волос.

Надо ли говорить, что я едва дождалась окончания ужина и удрала к себе в комнату так скоро, как только это было возможно.

- Даже не останешься на десерт? – удивилась мама. – Я специально попросила приготовить твои любимые сахарные башни. Ты ведь наша дебютантка, наша...

- Извини, мамуля, – не слишком вежливо перебила я, не в силах выслушивать эти лицемерные поздравления. – Я так устала. И немного нервничаю перед завтрашним днем. Лучше я соберу вещи и лягу пораньше спать.

– Ой, да что там собирать, – скривила губы Грета. – Форму тебе выдадут в Академии. Новичкам вообще из дома вещи брать нельзя, будто ты не знаешь. Разрешают взять только три вещи, имеющие сентиментальное значение.

Последнее предложение Грета произнесла голосом старосты. Она и была старостой в своей группе на третьем курсе. Ох уж этот назидательный тон, терпеть его не могу. Будто я и без того не знаю всех правил Академии. Спасибо, слышана уже. Если четверо твоих ближайших родственников учатся там, то поневоле запомнишь все запреты и обязанности. Хоть с этим у меня проблем не будет.

– Ой, спасибо, а то я не знала. Без тебя разберусь, – хмыкнула я, и у сестрички в глазах вспыхнуло затаенное пламя.

Мама плавно подняла руку, и этого было достаточно, чтобы тут же прекратить начавшуюся ссору. Что же, здесь – дома – я еще пока была в безопасности, но вот завтра ничто не помешает Грете отыгаться на мне по полной. Но это будет только завтра. Впереди целая ночь.

На самом деле я давно знала, какие три вещи возьму с собой. Во-первых, маленькую шкатулку, которую давным-давно подарила мне бабушка. Правда, ключ от нее утерян, и шкатулку невозможно открыть. Внутри что-то стучало и перекачивалось, но любовь к бабушке оказалась сильнее любопытства – шкатулку я ломать не стала, хотя время от времени ковыряла замок, пытаюсь подцепить чем-нибудь запирающий рычажок.

Во-вторых, возьму свою Чернильную Бестию. Не помню, как появилось это имя. Наверное, Чернильной я ее назвала потому, что любимая мягкая игрушка по форме напоминала кляксу от разлившихся чернил. С Бестией все было более-менее ясно – ведь она была уменьшенной копией одного из наших злейших врагов – полиписа. Помню, мама еще ужасно ругалась на отца:

– Ты зачем притащил ей эту гадость? Ты вспомни, как ЭТО выглядит воочию. Между прочим, тот шрам на твоём плече от его стрекательных щупалец. И если бы я их вовремя не отрубила, то...

– Знаю, знаю! – беззлобно рассмеялся отец. – Но думается мне: то, с чем привык спать по ночам, не сможет парализовать ужасом, если нашей Коре не

посчастливится встретиться с ним в реальной жизни. Может, это даст ей фору пару секунд и придаст ее руке, сжимающей меч, твердости.

Да уж. Ага. Придаст твердости. Моей руке. Я горько усмехнулась, запихивая Чернильную Бестию в маленький саквояж. Думать о том, что мне действительно придется когда-нибудь сражаться с собратьями Бестии один на один, совсем не хотелось. А ведь придется. Хотя бы просто на полевых занятиях по курсу бестиарологии. Именно для этого мы все – стихийники – и заканчиваем Академию. Чтобы защищать простых смертных от чудовищ. Быть не только мудрыми правителями своих земель, но и заступниками своих подданных.

Так, что-то я сама какими-то постулатами заговорила. Грета была бы довольна.

И, наконец, в-третьих, в саквояж отправился блокнот, куда я записывала стихи, нелепые и корявые, как я сама. Но это были мои стихи, и мне они нравились.

Я собиралась не спать всю ночь. Перечитать страницы из любимых книг, может быть, написать еще одно стихотворение – прощальное и грустное. Хотя, конечно, раньше надо было писать прощальные, теперь уже поздно. Все решено – еду в Академию. Шесть лет страданий и унижений мне обеспечены. И потом, после окончания, тоже неизвестно, что меня ждет. Скорее всего, вернусь в родовой замок доживать свой век в одиночестве. Обычно никто не женится на пустышках – дурная кровь. Их дети могут оказаться так же бездарны. Ничего нет страшнее вырождения рода...

Я вздохнула и стерла пару слезинок, что выступили на глазах. Нельзя плакать. Ничего хорошего впереди не ждет, надо уже сейчас закалять характер. И все же мысли о печальном будущем окончательно ввергли меня в уныние. Строчки в книге, что я взяла с полки, расплывались, руки дрожали. Я задула свечи и накрылась с головой одеялом. Темнота – это то, к чему мне следует привыкать. Темнота и отчаяние.

Проснулась от стука в дверь. Пришла служанка, принесла кувшин с теплой водой. Разложила на кровати дорожное платье. Терпеливо ждала, пока я умоюсь, чтобы начать меня одевать.

Какая глупая традиция – надевать в Академию дорожное платье. Если учесть, что сама дорога продлится от силы секунд пять. Это водные, воздушные и

земные стихийники тратят массу времени и сил, чтобы добраться до Академии. А огневики могут создавать порталы и мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Папа, правда, строго-настрого запрещает нам, детям, пользоваться порталами без его ведома до тех пор, пока мы не сдадим экзамен на вторую степень безопасности. Это очень трудно на самом деле – строить порталы. Бабуля, когда я была маленькая, рассказывала, что ее двоюродную сестренку разорвало пополам из-за того, что она неправильно приложила силы. Так что после этой истории я немного побаиваюсь огненных кругов, в которые приходится вставать для перемещения. Кстати, Фрост экзамен на вторую степень сдал, но папа ему все равно не доверяет. Всех берет за руку, как маленьких, и сам переводит на другую сторону.

А я никогда не сдам ни на вторую степень, ни на третью. Никогда не создам ни одного портала. Спасибо и на том, что они мою кровь не отвергают – переносят без ущерба. Все-таки не кухаркина дочь, что бы там ни говорили...

Когда я спустилась в зал, меня уже ждали. Братья и сестры в радостном возбуждении обсуждали уже какие-то соревнования, неудобное расписание и новые дисциплины. Предвкушали новый учебный год. Я же шла как на казнь.

Мама нежно обнимала и целовала в лоб всех в порядке старшинства: Фроста, Бриду, Димера, Грету. Отец брал за руку одного за другим и уводил в огненный портал, что жарко горел в центре зала.

В конце концов мы с мамой остались наедине. Она взяла меня за плечи и притянула к себе. Я почувствовала запах лаванды и каких-то пряных трав – мамин запах. Почувствовала, как зашипало в носу. Если бы не те ее жестокие слова, я бы прижалась к ней изо всех сил и разревелась. Но тех слов уже ничто не сможет отменить. Кухаркина дочь... За что же ты так со мной, мама?

– Ты у меня сильная и смелая девочка, – сказала мама. – Никогда не сдавайся, как бы ни было трудно. Хорошо?

– Хорошо, – буркнула я, отстраняясь.

Мама вздохнула, но больше ничего не стала говорить. Тут и отец шагнул из стены огня, протянул мне ладонь:

– Готова?

Я кивнула, сжала крепче свой маленький саквояж и шагнула навстречу судьбе.

Глава 3

Академия Пяти Стихий

Круглый холл Академии был забит под завязку. Вообще, это был довольно просторный холл. Помню, когда я была здесь первый раз, в тот год, когда поступал Фрост, мы прибыли раньше, чем нужно. В холле было пусто и гулко, эхо отражалось от высокого куполообразного потолка, стены с портретами выдающихся стихийников находились так далеко, что лица людей на портретах выглядели как светлые пятна на темном фоне. Мне в тот момент показалось, что в холле Академии поместятся пять наших залов, да еще три мои спальни на сдачу.

А сейчас здесь было не протолкнуться. Вокруг меня стояли, сидели на своих саквояжах, кое-где даже лежали скучающие стихийники. Все ждали появления директора и преподавателей для приветственной речи. Родителям не разрешалось задерживаться надолго. Так что отец поцеловал меня на прощание, сказал, чтобы я не вешала нос, и вновь исчез в огненном портале, теперь уже окончательно. Пламя побледнело и несколько мгновений спустя погасло.

Ни братьев, ни сестер уже не было рядом – увидели друзей и убежали. Не стали меня дожидаться. Но я и не удивлена. Слева в толпе мелькнули рыжие волосы, я подумала, что это Фрост, и зачем-то махнула рукой. От растерянности, наверное. А это оказался не Фрост – какой-то незнакомый парень-огневик. Он заметил мой жест и удивленно приподнял брови. Старшекурсник, судя по его уверенному виду. Какой позор!

Я потупилась и принялась разглядывать носки туфель. Все, больше никуда не смотрю. Стою на месте и не шевелюсь!

Но прошло несколько томительных минут, и я все же принялась разглядывать парней и девушек, с которыми мне скоро предстоит учиться рядом.

Первокурсников было сразу видно по их испуганным лицам. Они так же ошалело оглядывались вокруг, как я. Правда, рядом с ними частенько находились их братья и сестры, которые, пытаясь подбодрить, рассказывали что-то смешное или просто стояли рядом. Вот как тот парнишка – водный стихийник, что положил руку на плечо испуганной сестренки. Молчит, строго поглядывает вокруг – мол, попробуйте только тронуть мою младшую! Мне стало грустно, и я отвернулась.

Не устаю удивляться тому, как магия стихии накладывает отпечаток на внешность. Огневики всегда рыжеволосы и почти всегда зеленоглазы. Иногда глаза синие, как у меня или у моего отца. Рыжина бывает разных оттенков – от почти красной, горячей, словно пламя, как у Бриды, до спокойной, медовой, как у меня.

Маги стихии воздуха тонкие и изящные, почти невесомые. Они кажутся такими хрупкими и нежными, но на самом деле отличные воины. Я как-то видела их бой на мечах – это не рубилово, как у магов земли, а будто танец – красивый и смертельный. Маги воздуха светловолосые, светлокожие, с голубыми или светло-серыми глазами. Одежда на них всегда сидит идеально, они всегда сдержанны и подчеркнута вежливы. Я бы даже сказала – заносчивы. А еще они любят всякие побрякушки. Даже парни. Какие-то глупые подвески, какие-то браслетики в пять рядов на руке. Это даже забавно. Только вот посмеяться над ними не получится – получишь в ответ такой холодный и высокомерный взгляд, что надолго пропадет охота шутить. Грета по ним сохнет. Ну, в частности, по Виллису, но мне думается, по воздушникам вообще. Она, конечно, не мне это рассказывала, а Бриде, но так как моего присутствия обычно не замечают, то я часто становилась невольной свидетельницей ее откровений.

Маги воды немного похожи на воздушников, если не приглядываться, то сначала почти не видно различий. Они тоже светловолосые и изящные, но все же более основательные, чем воздушники. И мужчины не любят себя украшать, за что им отдельное спасибо. Глаза у них чаще всего карие – светло-карие, темно-карие и даже черные, как ночь. Тут уж, признаюсь, водники со жгуче-кариими глазами – моя слабость. Как-то приезжал к нам на летние каникулы друг Димера... Нет, не буду вспоминать, иначе снова загрузу.

И, наконец, маги земли. Этих я, честно говоря, побаивалась. Вроде отпрыски знатных родов, а ведут себя часто, как... Как... Не могу подобрать подходящего слова. Они шумные, широкоплечие, какие-то бестолковые. Хохочут, толкаются, подначивают друг друга. Каждый – как гора. Я едва до груди могу достать самому низкорослому земному. Волосы и кожа у них словно припорошены пылью. Серые непослушные вихры будто бы никогда не встречались с расческой. Стального цвета маленькие глаза. Умом они тоже не отличаются. Во всяком случае, мне еще ни разу не встречался умный земной.

Четыре стихии, а Академия всегда носила имя Академия Пяти Стихий. Я спрашивала папу про пятую стихию, на что он ответил:

– Дань традиции, дочь. Я и сам точно не знаю. Не существует пятой стихии, ты ведь знаешь. Во всяком случае, я, когда там учился, никакого внятного объяснения так и не получил.

Что уж, учебные заведения называют иногда странно. У темных гномов вот «Недра и газы». Спасибо, что мне не надо учиться в академии с таким названием.

Пока я размышляла о пятой стихии, гул голосов вдруг стих, а свет начал меркнуть. Высокие арочные окна высотой до потолка заволкло туманной дымкой, создавая в главном зале Академии полумрак. Зато балкон над входом осветился огненными пузырями. Стихийник в красной мантии – один из преподавателей – выпускал их из своей руки. Рядом с ним вставали остальные, в мантиях четырех цветов – в красных, синих, зеленых и черных. Вперед вышел высокий худощавый мужчина с волевым лицом. Он единственный был без мантии, в простом сером одеянии. Я знала, что это сам директор – Терран Аквидус, а серые одежды, в которых он встречает учеников, символизируют непредвзятость по отношению к любой стихии. Мол, вы все равны передо мной. Директор был водным стихийником, но справедливости ради надо отметить, что своих он не выделял.

Директор произнес приветственную речь, которую я запомнила плохо. Я почти не слушала, потому что только сейчас осознала – моя прошлая жизнь осталась позади, ничего уже не изменить. Терран Аквидус говорил, что мы – будущая надежда нашего мира, защитники народа. Мы должны быть прилежными, мудрыми, ответственными и что-то еще в этом духе. Я стояла и чувствовала жгучий стыд – я не должна здесь находиться, я никого и никогда не смогу

защитить...

Потом он отдельно поприветствовал первокурсников и попросил их задержаться в зале после того, как старшие курсы разойдутся по своим комнатам. Нас разобьют на четыре группы, к каждой из которых будет приставлен свой куратор. Отныне по всем вопросам следует обращаться к нему.

В зале стало значительно свободней, после того как остались только новички. Мы, не сговариваясь, сбились в центре, настороженно разглядывая друг друга. И каждый, наверное, думал то же, что и я: с кем из них я подружусь? Кого стану ненавидеть? Кто-то из них, возможно, душа компании. А кто-то и негодяй. Но пока все выглядели обескураженными детьми. Неужели и у меня такое глупое лицо? Я сдвинула брови и выпятила челюсть, стараясь показаться увереннее.

- Переигрываешь, - шепнул кто-то сбоку.

Я посмотрела. Рядом стояла рыжеволосая девушка и улыбалась мне.

- Все немного взволнованы, - ободрила она меня и протянула руку. - Я - Вита.

- Кора.

Я прикоснулась к ее ладони кончиками пальцев, и стало как-то немного веселее. Но тут же услышала, как за моей спиной зашептались несколько голосов. «Кора? Та самая? Кора Флогис? Ну да... Ой, е-о-о...»

Я вжала голову в плечи. В Академии не принято говорить вслух о таком необратимом изъяне, как отсутствие магии. Отпрысков великих магических семейств принимают без экзаменов, априори считая, что они наделены даром. Даже если преподаватели в курсе того, что в Академию пришел пустышка, никогда ни словом, ни взглядом не дают понять, что знают это. Но они знают. Не дают магических заданий, на физические занятия смотрят сквозь пальцы, оценка на экзаменах у таких учеников всегда «весьма посредственно», но все же не «скверно». Пустышки переходят с курса на курс, словно тени - никому не нужные, никому не интересные. Худшего унижения трудно себе представить. Ну почему? Почему это случилось именно со мной?

И, судя по всему, слухи обо мне достигли великих домов, если даже первокурсники все понимают. Я виновато улыбнулась новой знакомой, но она уже отошла и болтала с другой девушкой. Вокруг меня образовалось пустое пространство, где я стояла, сжав в руках саквояж.

К счастью, мои мучения продолжались недолго. Директор и четыре куратора спустились в зал. Нам представили куратора огневиков – того самого мужчину в красной мантии, что создал светильники.

– Арл Моро, – представился тот. – Прошу любить и не жаловаться.

Он был совсем еще молод, будто сам недавно окончил Академию. Может, именно поэтому он старался выглядеть серьезным и строгим: не хотел, чтобы мы относились к нему как к своему ровеснику.

– Огневики, постройтесь и следуйте за мной!

Мы построились кое-как. Едва ли это можно было назвать построением – растянулись как гусиный выводок. Моро поморщился, но ничего не сказал, повел за собой.

Я знала, куда он нас ведет. Сейчас мы находились в главном корпусе Академии, где расположены все административные кабинеты и учебные классы. Спальные корпуса разбросаны по территории. Братья и сестры никогда толком не могли объяснить мне, как же тут все устроено. Или я просто не могла вообразить то, что они пытаются рассказать. Я понимала только, что территория Академии огромная. Здесь есть и учебные полигоны, чтобы отрабатывать магические заклятия. И стадионы, где проходят соревнования. И парки. И какие-то непонятные теплицы. Зачем в Академии теплицы, если любой земляной в два счета вырастит любую культуру в любое время года? Есть даже гора. Одиноко возвышается в центре. Воздушники специально вырастили ее, чтобы поставить на вершине свои спальные корпуса. Чем ближе их жильё расположено к небу, тем спокойнее они себя чувствуют. Земляные жили в бараках, наполовину утопленных в грунт. Серые, угрюмые здания. Даже смотреть на них неприятно, а вот они чувствовали себя отлично. Водные, само собой, жили у озера и частично в озере. Здания стояли на берегу и казались вполне добротными и обычными, но стоило приглядеться, становилось понятно, что их полупрозрачные копии скрыты под спокойной поверхностью озера. Там водные должны проводить не

меньше трех дней в месяц, иначе могут заболеть.

У огневигов спальные корпуса выглядели самыми заурядными и ничем не примечательными: они были сложены из ярко-красного кирпича. Правда, кирпичи, как я слышала, из особой глины, которую можно добыть только на дне кипящей реки.

Нас, первокурсников, увели на самый верхний этаж, где располагались крошечные комнатухи. Зато каждому достанется своя. Я так переволновалась, что мечтала скорее оказаться в тишине и одиночестве, поэтому, как только куратор проводил меня до моей двери, я торопливо попрощалась и едва не захлопнула дверь перед самым его носом. Куратор удержал ее рукой, недовольно покачал головой:

- Первокурсница Флогис, вы забываетесь. Я вас еще не отпускал.

- Извините, - я сконфуженно опустила голову.

- Сегодня день отдыха. Осваивайтесь, осматривайтесь. Расписание на столе. Вечером будьте добры прибыть на примерку вашего нового гардероба в центральный корпус, а после на ужин.

Я кивала, не поднимая глаз. Он еще несколько секунд выжидательно смотрел на меня, потом вздохнул:

- Свободны, первокурсница Флогис.

На столе действительно обнаружилось расписание на первую учебную неделю. Листок плотной мелованной бумаги был исписан старательным каллиграфическим почерком. Очень подробное расписание, где прописаны даже часы подъема и время отбытия ко сну. Я пробежала глазами учебные предметы, которые мне предстояло изучать, и содрогнулась.

«Первый учебный факультет - Магия огненной стихии. Учебные дисциплины, предложенные для изучения в первом семестре: история происхождения огненной стихии. Практическое применение огненной стихии. Некоторые боевые заклятия огненной стихии. Теория ведения боя. Введение в Бестиарий. Практика

мечевого боя...»

Читать дальше не хватило силы духа. Из всего этого я только историю происхождения огненной стихии смогу осилить. Ну, еще разве что теорию ведения боя. В общем, теория всегда давалась мне легко, а вот практика... Что же, я знала, на что шла.

Я села на узкую кровать, огляделась. Мне всегда казалось, что моя спальня в родовом поместье слишком маленькая. Оказывается, все познается в сравнении: что действительно было маленьким – эта комнатуха-клетушка. Стол для занятий, кровать, накрытая каким-то затрапезным, потерявшим всякий вид покрывалом. Облезлый шкафчик с перекосившимися дверцами. На полу вытертая циновка. На окне болтается пыльная занавеска. А само окно словно бойница на крепостной стене – шириной в три кирпича.

Блокнот со стихами отправился на полку в шкафу. Чернильная Бестия на подушку. Бабушкина шкатулка заняла почетное место в центре стола. Ну вот – осмотрелась и разложилась. Что делать теперь?

В этот момент в дверь требовательно постучали, и секундой позже, хотя я не давала разрешения, кто-то повернул ручку, пытаюсь войти.

Глава 4

Наставник и мучитель

Я успела вскочить на ноги прежде, чем дверь распахнулась. Проклятие, забыла ее запереть. Но тут же все слова, готовые вырваться, замерли у меня на языке.

На пороге стоял Ран. Раннитар Маринер. Он почти не изменился с нашей последней встречи два года назад, когда приезжал в поместье в гости к Димеру. Маг стихии воды. Светлые волосы, а глаза темные, как ночь. Я чувствовала, как алеют щеки. Зачем он здесь?

– Привет, Кора, – поздоровался он без тени улыбки. – Ты подросла.

- Привет, - прошептала я, продолжая не верить своим глазам и ушам.

Два года назад он меня едва замечал. За все время пребывания у нас все общение свелось к двум кивкам головы - когда нас знакомили и когда он уезжал. Оказывается, он помнит, как меня зовут.

- Разобрала вещи? - спросил Ран. - Тогда пошли.

- Куда? - пролепетала я, запутавшись окончательно. Голова просто отказывалась работать нормально.

- Не будем терять времени зря. У нас есть половина дня, чтобы начать тренироваться.

Только сейчас я заметила в его руках два деревянных меча, и брови против моей воли удивленно поползли вверх.

- Тебе Димер ничего не сказал? - Ран, видимо, только сейчас понял, что его появление на пороге комнаты стало для меня полной неожиданностью. - Вот...

Хотел выругаться, но посмотрел на меня и проглотил ругательство.

- Я не в восторге, если честно, от этой затеи, - заявил он наконец. - Твой отец попросил моего отца, а тот директора - они друзья детства. Отказать было нельзя. В общем, с этого дня я буду подтягивать тебя по физической подготовке.

Вид у Рана был злой и недовольный. Я прекрасно его понимала - неприятно делать что-то против воли, вдвойне неприятно, если отказать нет ни единой возможности. И посочувствовала Рану от души - более неспособную ученицу еще поискать. Но, признаюсь, хотя мысль о ненавистном мечевом бое заставила содрогнуться, такой наставник, как Ран, меня устраивал.

Ран заметил отблески радостного волнения на моем лице и сказал, как отрезал:

- Я не завожу интрижек с первокурсницами. Тем более если они сестры моих друзей. Да к тому же пустышки, которых потом и родителям не представишь, -

тут же наследства лишат.

Я вспыхнула как спичка, лицо залила краска стыда. Как обидно. Достаточно было бы и первых двух пунктов, чтобы я никогда не попыталась сблизиться. Зачем же так? Я стояла, втянув голову в плечи. Ощущение было, будто он меня ударил.

– Пошли уж, ладно. Не реви только.

Мне показалось, что я услышала в его голосе нотки раскаяния, но, конечно, он не извинился. А я сделала вид, что все в порядке. Отец, с его неуместной просьбой к директору, и меня поставил в безвыходное положение. К чему это все? Допустим, получу я за физическую подготовку не «весьма посредственно», а «приемлемо», и что это изменит в моей жизни?

Ран шагал впереди, даже не оглядывался. Мы пришли на маленький пяточок свободной земли, что располагался перед нашим спальным корпусом.

– Сегодня здесь потренируемся, завтра пойдем на полигон, – сказал Ран, протягивая мне один из деревянных мечей.

Я взвесила его в руке – совсем легкий, таким, пожалуй, я даже смогу наносить удары. И все же посчитала нужным напомнить:

– Ран, ты ведь знаешь... В реальном бою магия всегда придает сил, а я... Ну, понимаешь, настоящий меч я и в руках не смогу удержать.

– Точность часто бывает важнее силы. Твой меч может быть легким, – отрывисто сказал он, уже становясь в позицию напротив меня.

Ран времени даром не теряет. Я же хоть и взяла меч, но была совсем не готова.

– Я в платье, – сказала я, виновато разводя руками – мол, занятия отменяются, ничего не могу поделать.

– Кора, я только хочу оценить, на что ты способна, чтобы к следующему занятию выработать стратегию. Нападай!

И что тут оценивать? Я всегда была неловкой, неуклюжей и трусливой соперницей, в реальном бою едва ли прожила бы дольше десяти секунд. Но делать нечего, вздохнув, я кинулась на Рана. Мой деревянный меч с силой ударил по его мечу и отскочил, едва не стукнув по лбу.

– Что это сейчас было? – спросил мой наставник, и тонкие темные брови изогнулись в непритворном изумлении.

– Что-что, – буркнула я, потирая запястье, которое успела потянуть, вложив всю силу в удар. – Нападаю!

– А до этого момента кто-нибудь тебе говорил о том, что нападать надо на человека? Какой толк будет от нападения, если ты будешь стараться ударить меч? Он плакать не станет. Ты должна стараться нанести удар по мне. И уже моя забота – парировать или отступить.

Проклятие. Говорили, ага. Давным-давно. Просто так получилось, что последние пару лет я в основном дралась с чучелом, а оно не парировало и не отступало.

– Нападай! – жестко повторил Ран, делая несколько шагов по невидимой окружности, заставляя меня поворачиваться следом за ним. Вот, теперь еще солнце слепит глаза. Я еле могла различить темный силуэт, поэтому, не теряя времени даром, кинулась вперед, подпрыгнула и... Кубарем покатила по траве, больно ударившись локтями и коленями.

– Никогда не позволяй противнику занять более выгодную позицию. Изначально у тебя было преимущество, которое ты потеряла, – солнце располагалось за твоей спиной и слепило меня.

Ран протянул мне ладонь, помогая подняться с земли. Ждал, пока я отряхнусь, – новое дорожное платье теперь все в травяном соке, испорчено безвозвратно, – и продолжал говорить:

– Всегда твердо стой обеими ступнями на земле. Даже перенос веса с одной ноги на другую, даже то, что ты оторвала пятку от земли, – уже потеря баланса. Ты предоставляешь возможность противнику тебя сбить с ног. Что я сейчас и показал.

Какой зануда! Высокомерный, напыщенный болван. Ран – болван. Он что, правда мне нравился раньше?

– Нападай! – в третий раз сказал он, и я едва не застонала – ну сколько будет длиться эта пытка! Ясно же, что толку от меня нет.

Но все же, закусив губу, я бросилась вперед, пытаюсь вспомнить все, чему меня учили раньше. Попробовала достать до плеча – Ран заблокировал удар. Зашла сбоку, но и здесь натолкнулась на защиту. Зато два удара уже есть! Тут Ран перестал обороняться и перешел в атаку. Его меч двигался так быстро, что первый удар я не пропустила только чудом. Сама удивилась, когда почувствовала, что его меч отскочил, скользнув по моему. Но радовалась я преждевременно. Уже следующим ударом Ран легко коснулся моего запястья и опустил меч, давая понять, что выиграл бой. Опять.

– Подумаешь, всего лишь маленький порез. – Я не желала соглашаться с очевидным. – Продолжаем!

Ран усмехнулся.

– Теперь мне остается только ждать, пока ты ослабеешь от потери крови и будешь полностью в моих руках. Множество поединков было выиграно всего лишь маленьким порезом на руке или бедре противника.

Да, он прав, и с этим не поспоришь. В очередной раз доказал мою бездарность. Чего и следовало ожидать. Но Ран неожиданно хлопнул меня по плечу:

– Не могу сказать, что ты гений мечевого боя, Кора. Но ты не безнадежна. Ежедневные тренировки сделают из тебя человека.

Вот удивительно все же устроены люди. Я никогда не думала, что можно одновременно испытывать такие противоречивые чувства: радость от похвалы и ужас от того, что тренировки теперь станут моим ежедневным кошмаром. И похлопывание по плечу отчего-то совсем не воодушевляло. Так младших братьев похлопывают, когда они, польщенные, вытирают сопливые носы. Он совсем не видит во мне девушку... Я для него даже не сестра друга, а чумазый пацаненок, до которого снизошли.

Я кинула меч на землю и гордо удалилась в сторону своего корпуса.

– Кора! – раздался позади голос Рана. – Кора, стой!

Ага! Еще посмотрим, кто из кого сделает человека.

– Стой, глупое создание! Ты к чужому корпусу идешь. Твой остался за спиной!

Ой! Ну почему так всегда?.. Я развернулась в обратном направлении, изо всех сил стараясь сохранять достоинство. Эти здания из красного кирпича похожи одно на другое, как близнецы. Как было не запутаться!

Боковым зрением посмотрела на Рана. Его волосы разметались, улыбка играла на губах, темные глаза шурились от солнца, но продолжали следить за мной. Может, все же неплохо, что я несколько часов в день буду проводить с ним?

– Под ноги смотри! – тут же испортил он все впечатление. – Корявка мелкая.

Глава 5

Огненная змея

Гардероб студентки Академии Пяти Стихий предусматривал, кажется, все непредвиденные случаи, включая потопаы, морозы, как на Бескрайних пустошах, жару и, очевидно, те случаи, когда придется ночевать в лесу, в метель. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось после того, как я в третий раз возвращалась в центральный корпус за своим комплектом одежды. Мерки всех первокурсников, конечно, были известны заранее, поэтому примерка оказалась чистой формальностью: платья, костюмы, плащ, шубка, сапожки и ботинки – сидели идеально. Форменная одежда Академии Пяти Стихий была серого цвета, отличаясь только оттенками. Повседневное платье и накидка – жемчужно-серые. Зимние вещи и те, которые предстояло надевать на спортивные занятия, – графитовые.

По дороге мне попадались первокурсники, лица которых казались знакомыми, – огневиками из моей группы. Они уже разбились на пары и тройки, шли к нашему корпусу, помогая друг другу перетаскивать гардероб. Я несколько раз пыталась улыбнуться, когда встречалась глазами с кем-нибудь из них. Увидела Виту – кивнула, но та поспешно отвернулась, сделав вид, что не заметила. Стало ясно, что никто не стремится к общению со мной. Ладно. Еще только первый день, может быть, что-то изменится.

Я задумалась, шла, почти не различая дороги – мешал ворох одежды, который я с трудом удерживала в руках, и не заметила, как почти уткнулась носом в чей-то торс, обтянутый серой футболкой. Подняла взгляд и увидела осклабившуюся в неприятном оскале гору – земляного стихийника, как нарочно выросшего у меня на пути. Многие земляные уже переоделись в форму Академии и выглядели теперь в серых одеждах, как каменные истуканы, вдруг вздумавшие ожить.

– Привет, бездарница, – прогудел он. – Не стой у меня на пути. Такие, как ты, должны уступить место настоящим студентам.

Корявка. Пустышка. Кухаркина дочь. Теперь еще и бездарница. Славно. Так меня еще не называли.

– Чего тебе? – не слишком вежливо ответила я, не собираясь сдаваться просто так. – Я тебя не трогала, и ты меня не трогай.

Он вместо ответа смахнул с моих рук одежду, вещи рассыпались по земле. Хорошо, что сейчас сухо и форма не испачкалась. Я до боли сжала губы, но тягаться с этой ожившей скалой мне не по силам. Земляной ушел, напоследок пнув мой ботинок так, что тот улетел в кусты.

Наверное, со стороны это было потешное зрелище. Я пыталась собрать юбки, накидки и платья, но они, словно тоже решив поиздеваться надо мной, выскользывали из рук, как живые. Студенты обходили меня по широкой дуге, делая вид, что ничего необычного не происходит. Да. Ведь это в порядке вещей, когда кто-то большой и сильный использует свое преимущество по отношению к слабому. Унижает. Раскидывает вещи. Все нормально. Можете и дальше идти по своим делам.

Я чувствовала, что глаза набухают слезами, но несколько раз быстро вдохнула, заставив себя успокоиться. Знала ведь, что так будет, так и нечего реветь.

В комнате переделалась в повседневную форму. Платье, хоть и было сшито из простого материала, оказалось приятным на ощупь и на фигуре сидело так, как надо. Застегнула накидку, прикрепил оранжевый знак факультета огня. Я подготовилась задолго до ужина и оставшееся время просто сидела на кровати, листала блокнот со стихами, думая, что, возможно, смогу написать пару строк, но вдохновения не было.

Он поднял на меня свой взгляд.

Темны его глаза.

Они как будто говорят,

Что отступать нельзя...

Тьфу, что за бред! Я густо зачеркнула карандашом все, что написала. Будто он мог это увидеть и прочитать. Лицо запылало.

За ужином вокруг меня образовалось пустое пространство. Столовая находилась в цокольном этаже центрального корпуса. Куратор встречал новичков у входа и показывал, куда идти. Первый курс факультета огня расположился за длинным столом у торцевой стены зала. Удобное место для тех, кто сидел лицом ко входу, – видна вся столовая, все входящие и уходящие. Но тем, кто сидел спиной, было, напротив, очень неудобно: перед лицом вытертый гобелен, изображающий эпическую сцену битвы при Нарре – стихийники против бестий. Неизвестный автор очень натуралистично изобразил гибнущих, разорванных на части, обожженных, истерзанных людей и с такой же точностью изобразил бестий, корчащихся в предсмертных муках. Картина, не слишком возбуждающая аппетит. К тому же все время хотелось обернуться и посмотреть – что там за спиной, гул голосов и шагов немного нервировал. Ах да, я, само собой, оказалась сидящей спиной к залу. Все места у стены были уже заняты, и, мало того, все припозднившиеся, не сговариваясь, старались отсесть подальше от меня. Так и получилось, что я пусть и сидела в центре, но по правую и левую руку оказались пустые стулья. Будто я источник невидимой заразы и все боятся заболеть... Решила, что завтра утром сяду с краю, по крайней мере будет не так очевидно, что я изгой.

Еда на ужин оказалась простой, но питательной. Традиционно считалось, что огневикам энергию и силы придают злаки, поэтому, как я успела заметить, кинув быстрый взгляд через плечо на другие столы, кормить стихийников старались разной пищей, в зависимости от магии, которой они управляли. Нам на гарнир подали разваристую желтую крупу, основным же блюдом были зажаренные цыплята. А земляные, сидевшие за следующим столом, получили огромные тарелки овощей и мясные стейки. Я не видела со своего места, что едят водники, но думается мне, что рыбу. Никогда не любила рыбу.

Я опустошила свою тарелку быстрее всех. Наверное, потому, что поговорить мне было не с кем. Зато мои однокурсники не столько ели, сколько болтали. То на одном конце стола, то на другом слышались взрывы смеха. А потом я стала замечать, что сидящие напротив трое огневиков пристально разглядывают меня, перешептываясь. Мне были знакомы эти взгляды. Когда мы с родителями выезжали в гости к другим стихийникам, случалось примерно то же самое. Тогда, правда, никто так открыто не выражал свою неприязнь, но вот эти взгляды, этот шепот за спиной, эти лживые улыбки – все повторялось из раза в раз.

– Эй, – крикнул один из троицы, – как там тебя! Кора, да? Ты правда совсем не умеешь делать огонь?

За столом, да и за соседними столами, как мне показалось, стало тихо. Все замолчали и с любопытством посмотрели на меня.

– Правда, – ответила я.

Зачем скрывать и выдумывать, если новость об этом завтра узнают все студенты. Слухи разносятся быстро.

– Хм, – усмехнулся второй. – А ты точно дочь своих родителей? Я слышал, такие случаи бывали, ну, когда, понимаешь, один из родителей... Как бы это сказать...

Он остановился и обвел присутствующих взглядом, словно приглашая их договорить. Вслух никто ничего не произнес, но некоторые захихикали, разглядывая меня.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Вскочила на ноги. Очень хотелось поставить нахала на место какой-нибудь едкой фразой, но от волнения я растеряла все слова.

– Я дочь своих родителей! – крикнула я, но из губ вырвался какой-то жалкий писк.

Тут уже все откровенно расхохотались. Мой противник тоже поднялся на ноги и оказался на две головы выше меня. Широкоплечий, огненноволосый парень.

– А еще я слышал, что в минуту опасности у пустышек иногда проявляются способности, которые до этого дремали, – сказал он обманчиво миролюбиво, но я уже понимала: он задумал что-то недоброе.

Я ничего не стала отвечать, понимая, что любой мой ответ тут же вывернут наизнанку. Надо просто развернуться и уйти, но я почему-то продолжала стоять. Внутри все дрожало от обиды и гнева. Мне бы как-то дать отпор, но я не знала как.

Однокурсники молчали, переводя заинтересованные взгляды с меня на него и обратно. Ждали, чем все закончится.

– Давай я тебе помогу! – сказал он.

И не успела я сказать, что в его помощи не нуждаюсь – ясно ведь, что задумал какую-то пакость, – как он уже раскрыл ладонь, направленную на меня, и с ладони на пол полилось жидкое яркое пламя. Коснулось пола, превращаясь в огненный ручей, который потек ко мне, огибая сидящих за столом. Какая-то девчонка, наклонившись, добавила к ручейку немного своего пламени. Кинула на меня хитрый взгляд из-под рыжей челки. Всем было любопытно, что я буду делать.

Я никогда не боялась огня. Пусть пламя не слушалось, не реагировало на мои приказы, и все же я к нему привыкла и относилась как к чему-то естественному. Но сейчас, когда огненный ручей медленно и неотвратно приближался, извиваясь на полу как змея, я вдруг ощутила настоящий ужас. Такой, что ноги приросли к полу. Я не могла ни крикнуть, ни сдвинуться с места.

Магический огонь, если он не сотворен кем-то из родственников, близких по крови, обжигает так же сильно, как обычное пламя. Если он доберется до моих ног, то ожогов не избежать. А загасить его мне не под силу.

Змея поползла и на секунду замерла, словно примериваясь, куда лучше укусить. Я почувствовала, как по щекам потекли слезы. Хуже некуда. Теперь все увидели, что я мало того что пустышка, так еще и жалкая плакса.

Огонь перекинулся на подол платья. Я вскрикнула, когда почувствовала, как искры больно жалят мои голые ноги.

Мне казалось, что все это продолжается вечность. На самом деле, как я потом поняла, длилось все не дольше нескольких секунд. Конечно, кураторы прекратили бы эти недопустимые выходки, они просто не успели. Кое-кто оказался быстрее.

- Хватит! - крикнул за спиной мужской голос.

Я почувствовала, как воздух в столовой будто вздрогнул, а потом ощутила странную сухость во рту, даже сглотнуть было нечем. И слезы на щеках мгновенно испарились. И вдруг прямо из воздуха, из ничего, плеснула вода, накрыла огненную змею, заставив ее зашипеть от нерастроченной злости и сгинуть без следа.

Я обернулась и увидела Рана, вскочившего на ноги. Его темные глаза сузились от злости. Я поняла, что это он забрал всю влагу, какую было возможно, чтобы превратить ее в воду и залить огонь.

Студенты закашлялись, глотая воздух раскрытыми ртами, как рыбы. Сухой воздух застревал в легких, дышать было буквально нечем. Все бросились прочь из столовой.

Ран, не говоря больше ни слова, тоже пошел к выходу. Я сначала замерла на месте, а потом стремглав кинулась вон. Хотелось остаться одной. Спрятаться ото всех, чтобы меня больше никто никогда не нашел.

Я бежала по темным аллеям небольшого сквера, окружающего центральный корпус, по тропинке вдоль озера, по кирпичной дороге, ведущей в мой новый дом. Уже стемнело, на безоблачном небе сияли звезды, но я только на мгновение подняла голову. Любоваться ими сейчас не было ни малейшего желания. Я знала, что в первую ночь – ночь Встречи – студенты будут гулять до утра, будут жечь костры, петь песни и веселиться. Даже начало занятий перенесут на обеденное время – преподаватели знают эту традицию и уважают ее. Но я свою первую ночь проведу в маленькой комнате в одиночестве и темноте. Огневикам не дают свечей, ведь каждый из нас сам может создать для себя светильник. Каждый, кроме меня...

Я опрометью взлетела по лестнице, оттолкнув незнакомую девушку, случайно попавшуюся на пути, забежала в комнату и захлопнула дверь. Сердце колотилось, воздуха не хватало, глаза пекло от невыплаканных слез. Я рухнула на кровать и обхватила колени руками. Не усну, наверное, до утра, так и буду без конца прокручивать в голове эту сцену – огненная змея ползет ко мне, а все стоят и просто смотрят.

Дверь тихонько приотворилась. Проклятие, я снова забыла ее запереть. Я подняла голову, вглядываясь в темноту, на мгновение показалось, что это пришел Ран. Но это был не он. С руки незваного гостя спорхнул огневик, взлетел под потолок, освещая все ровным матовым светом. Я увидела Грету, стоящую на пороге. В руках она держала охапку свечей.

– Вот. Это тебе, – сказала она неловко.

Протянула свечи, но, увидев, что я не шелохнулась, пошла вперед и положила их на стол.

– Если тебе интересно, Викара наказали. Ваш куратор отправил его под домашний арест на трое суток. Так что ночь Встречи он пропустит.

– Мне неинтересно, – буркнула я. – Зачем ты пришла? Никто из вас меня не защитил!

Грета дернула плечом. Присела на край кровати. Молчала какое-то время, потом примирительно сказала:

– Все произошло так быстро. Мы просто не успели. Мы защитили бы. Какая бы ты ни была – ты наша сестра.

Теперь настала моя очередь молчать. Грета не уходила, сидела, подперев голову кулаком.

– За что они так со мной? – наконец произнесла я. – Я не сделала ничего плохого.

Грета вздохнула.

– Просто они боятся.

– Боятся? Меня?

– Не тебя, глупая, а твоей участи. Самое ужасное, что может произойти со стихийником, – это потеря дара. Ты не поймешь, ты живешь с этим с рождения. Это... Как если бы в один момент лишиться всех органов чувств. Ослепнуть, оглохнуть... Жутко страшно. А ты ходишь среди нас...

– Калека несчастная, – закончила я ее мысль. – Вдруг заражу кого своей бездарностью. Так?

Грете было неловко, но она кивнула.

– Они не правы. Такое здесь не разрешают. Никто не имеет права так поступать... Вот Вика наказали – больше не осмелятся...

– В открытую надо мной издеваться. Будут издеваться исподтишка. Так ведь?

Грета поднялась на ноги. Кажется, она уже была не рада, что пришла. Ее начал раздражать этот разговор.

– Не знаю, Кора. Откуда мне знать. Спокойной ночи.

Она даже не посмотрела на меня, когда выходила за дверь. Огневик под потолком лопнул, как мыльный пузырь. Я снова осталась одна в темноте.

Правда, теперь у меня были свечи, и стало немного легче на душе.

Глава 6

Только не влюбляйся

Я думала, что этот случай совсем меня подкосит. Засыпая, была уверена, что утром не смогу открыть глаза, что мне будет плохо и грустно. Но удивительное дело – проснулась я решительно настроенная не сдаваться. От злости, наверное. Пусть я для них калека несчастная. Пусть я никогда не стану настоящим стихийником, но это не значит, что я должна плестись в конце и безропотно принимать издевки и тычки. Докажу всем, что хоть дара у меня нет, но все предметы, которые не касаются магии, я смогу сдать на «выше всяких похвал». Они думают, что я бездарница и пустышка, но мозги-то у меня на месте, да и сила воли, надеюсь, присутствует.

Первым делом надо переодеться – вчера я как была в обожженном форменном платье, так и уснула в нем. Платье все равно потеряло всякий вид, хорошо, что есть второе такое же.

Я подошла к шкафу, куда вчера с трудом затолкала вещи, но в этот момент в дверь постучали. Сегодня непрошенный гость, кто бы он ни был, не пытался вломиться без приглашения. Странно, кто бы это мог быть в такую рань. Я не сомневалась, что после ночных походов – я всю ночь вздрагивала то от песен под окном, то от взрывающихся петард – никто не выйдет из своих комнат раньше обеда. И не спится ведь кому-то.

За дверью обнаружился Ран, свежий и бодрый. Рядом с ним стоял заспанный Димер, взлохмаченный и недовольный. Кажется, Димера вытащили из постели против его воли.

– Привет, мелкая, – сказал братец. – Ты это... Не обижайся. Вику я уже высказал все, что о нем думаю. Он принес извинения Фросту, как старшему. Обещал, что подобное больше не повторится.

– Как мило. А мне он извинения принести не хочет?

Димер дернул плечом, совсем как Грета. Это семейное, видимо. Наверное, когда представители семейства Флогис не находят слов для оправдания, они просто дергают плечом. Очевидно, извинений мне ждать не приходится.

– Я пойду, Ран. Совершенно не обязательно было поднимать меня в такую рань. Я бы мелкой и позже все сказал, – сообщил он Раннитару, который все это время молчал, ожидая, пока семейное дело будет улажено.

Братец даже не пытался скрыть, что ранний визит с извинениями – вовсе не его затея. Ран его притащил... Так странно. Зачем ему это? Я потупилась, понимая, что щеки снова краснеют.

Димер не упустил возможности щелкнуть меня по носу, как всегда делал, стоило мне зазеваться. Рана хлопнул по плечу и, позевывая, ушел на свой этаж.

Я отступила от двери, пропуская Рана в комнату. Тот был одет в спортивную форму и, кажется, настроен уже с утра делать из меня человека. Что же, я не против.

– Спасибо, – сказала я, не зная, как начать разговор – мы оба как-то неловко застыли посреди комнаты, такой узкой, что стоять приходилось почти вплотную. А может быть, это только мне было неловко.

– Не стоит благодарности, – ответил он так, словно произошедшее вчера действительно ничего не значило для него. – Парень перешел черту... Я хотел взять тебя на тренировку, но сначала покажи мне ноги.

– Что? – опешила я. – Зачем?

– Посмотрю ожоги. Я видел, что огонь успел добраться до тебя.

Я даже не задумывалась о том, что у меня могут быть ожоги. Хотя вспомнила сейчас, как больно впивались искры. Села на кровать, приподняла покрытый копотью подол, открывая лодыжки.

– Ой...

Все ноги были покрыты волдырями от ожогов. Сейчас было уже не больно, но снова стало обидно до слез.

– Вот тебе и ой. – Ран сжал губы, как от злости, оставалось только надеяться, что злился он не на меня, за то, что срываю ему тренировку.

Он вытащил из кармана плоскую коробочку, открыл – комната наполнилась запахом мяты, к которому примешивались другие незнакомые нотки. Внутри коробочки оказалась прозрачная мазь.

– Это мазь от ожогов. Моя тетушка готовит по специальному рецепту, – сказал он совсем не тем строгим отстраненным тоном, к которому я уже успела привыкнуть.

И, не спрашивая разрешения, он принялся мазать мои волдыри – очень осторожно, едва касаясь. Я закусила губу, и это не ускользнуло от его внимания.

– Больно?

Я отчаянно закрутила головой. Было совсем не больно. Наоборот, по ногам разливалось приятное чувство прохлады, обожженная кожа, которую пекло и саднило – я только сейчас это поняла, – успокаивалась. Ну и, ко всему прочему, Ран касался меня. Ему, значит, не противно? Не боится подхватить страшную болезнь бездарности?

– Тетя наказала всегда носить мазь с собой. Сказала: где огневики, не избежать ожогов. А уж если друг – маг стихии огня, то лучше заранее намазаться, для профилактики.

Он что, шутит со мной? Пытается отвлечь? Это было так странно и так не похоже на Раннитара, которого я знала до сегодняшнего дня. Хотя знала – громко сказано, конечно.

– Откуда столько участия к бездарнице? – неуклюже съязвила я. Трудно язвить, когда кто-то держит в руках твои лодыжки, да еще так нежно.

Ран дернул плечом, совсем как Димер. Нет, это заразно, видимо. Семейка Флогис – рассадник заразы. Так что ответа я не ждала, но он вдруг ответил:

– Да как-то подло это. Я бы не хотел, чтобы к моей младшей сестре относились так.

– А у тебя есть младшая сестра? – удивилась я.

– Нет. Я один, – и тут же увел разговор в сторону: – Если ты не можешь сегодня пойти на тренировку, то я...

– Хочу! – перебила я. – Уже одеваюсь!

* * *

Сегодня пошли на полигон – так называлось обширное пустое поле, где студенты практиковались в бое на мечах, стреляли из лука и занимались физическими упражнениями. Говорят, что и практические занятия по истреблению бестий у старшекурсников проводят здесь. Меня передернуло от одной мысли о том, что когда-нибудь мне тоже придется отрубить щупальца и всаживать клинок в уродливые туловища этих созданий.

Вопреки ожиданиям, мы не были единственными студентами, кто пришел на поле размяться перед занятиями. Я засмотрелась на бой двух воздушников – парня и девушки. Их мечи сверкали в руках, как молнии: настоящие, не деревянные. Они вполне могли ранить друг друга, но оба были настоящими мастерами – ни один не пропустил удар. Они, мне кажется, могли биться еще долго, но вдруг одновременно опустили оружие и поклонились, признавая равенство противника. Да уж, не знаю, сколько тренировок мне потребуется, чтобы научиться так держать удар.

Ран принес деревянные мечи из сторожки на краю полигона, где хранился спортивный инвентарь. Встал в позицию.

– Ну, давай. Нападай, – сказал он обреченно.

Спустя час, когда мокрые пряди волос прилипали ко лбу, а футболка стала – хоть выжимай, да и сам Ран хоть дышал все еще ровно, но видно – тоже вымотался, он кивнул, заканчивая тренировку.

– Ты неплохо поработала сегодня, – снисходительно сказал он. – Через полгода ты себя не узнаешь.

Через полгода? Ого. Я немного загрустила – срок не маленький. Так хотелось поскорее показать всем, на что я способна. А следующая фраза Рана совсем ввергла в уныние.

– Ну, хорошо, а теперь два круга по полигону!

Два круга! Ой. Я-то думала, мы только на мечях будем биться. Как никогда было сильно искушение сбежать, сославшись на боль от ожогов. Но, как назло, ожоги совершенно перестали беспокоить, наверное, мазь сделала свое дело. «Кора, где твоя решительность? – отругала я себя. – Кто там что про силу воли говорил?»

– Хорошо, – покорно согласилась я.

Бежала я из последних сил. Наверное, мешок, наполненный сеном, и то бежал бы грациознее. Ноги заплетались, а раскрасневшееся лицо меня точно не делало симпатичнее. Лохматая, потная, красная. Фу.

Ран легко бежал рядом, не прилагая, кажется, никаких усилий. Даже умудрялся разговаривать.

– Этот Вик зол не просто так. Это не оправдывает, конечно, его поступок. Он незаконнорожденный сын мага-огневика и служанки. Получил способности, хотя обычно одного родителя мага для этого недостаточно. Его не хотели принимать в Академию, но директор пошел на уступки. Теперь, может, и выгонит. Вику кажется, что такие, как ты – дети влиятельных родителей, – занимают его место.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – прошипела я сквозь сомкнутые зубы, израсходовав остаток воздуха. Все, силы кончились. Я встала, тяжело дыша – то ли от быстрого бега, то ли от злости. – Меня, между прочим, никто не

спрашивал, хочу ли я здесь учиться, – проговорила я.

Ран примирительно кивнул:

– Я просто подумал, что тебе нужно знать.

Я открыла рот, чтобы ответить, что мне это знать совсем не нужно, но вдруг над головой раздался раскат грома, и тут же первые крупные капли упали рядом на землю. Я и не заметила, что погода внезапно испортилась. Еще несколько минут назад сияло солнце.

– Встань ближе, – приказал Ран голосом наставника.

Я подошла, встала в шаге от него и поняла, что больше не чувствую влаги на своей коже. Нас двоих словно укрывал невидимый, невесомый плащ, спасающий от дождя, – это Ран создал водонепроницаемый барьер.

Студенты убегали с поля – кто-то бежал в учебные корпуса, кто-то в сторону сторожки, но там уже и так было желающих хоть отбавляй, кто-то в сторону теплиц. Я знала, что эти длинные приземистые здания без окон назывались теплицами, но пока мне так никто и не объяснил, что же там выращивают. Да и что за странные теплицы – с непрозрачными стенами.

И только водники застыли на месте, подняв лица к небу, – дождь им был не страшен. Дождь они обожали, как любую воду. Ран тоже смотрел в небо, наверное, он хотел бы ощущать сейчас на своей коже прохладные капли, но создал защиту специально для меня.

Он смотрел вверх, а я смотрела на него. Разглядывала его скулы и ямочку между ключиц. Видно, очень пристально разглядывала, потому что он как-то почувствовал это.

– Только не влюбляйся в меня, – сказал он, не поворачивая головы. – Не нужно, Кора. Ты ведь понимаешь.

– Понимаю, – прошептала я, мечтая провалиться сквозь землю.

К счастью, в ту же секунду прозвучал раскат грома, заглушивший мои слова. В кромку поля ударила молния. Это ведь не...

- Это ведь не они? - Я не могла скрыть испуга в голосе. - Это ведь не могут быть они? Академия ведь под защитой, да?

- Конечно, под защитой, - сказал Ран.

А сам крепче сжал в руке деревянный меч, бесполезный в настоящем бою.

Глава 7

Они приходят с дождем

Они всегда приходят с дождем. С лиловыми тучами и молниями, с громовыми раскатами. Благословенны зимние месяцы, когда снег ровным слоем укрывает землю, благословен душный зной середины лета - ведь тогда их появления так редки, что можно пересчитать по пальцам. Хуже всего весной, когда все вокруг начинает пробуждаться к жизни. Солнцу всегда рады, особенно маги огня, но то время, когда оно восстает после зимней спячки и начинает одаривать землю своим теплом, стихийники считают главным испытанием, расплатой за дар. Надо бы радоваться началу новой весны, но первые весенние грозы - это не только живительная влага, которая напоит землю. Каждая гроза сулит гибель. И вовсе не молнии тому причиной, они лишь предвестник их появления. Вместе с грозами приходят бестии.

Так их называют, этих тварей. Хотя на самом деле там огромное количество видов. В папиной библиотеке я как-то взяла в руки томик с классификацией и поняла: чтобы как следует изучить всех, мне жизни не хватит. В принципе, достаточно знать то, что бестий можно убить - разрезать мечом, пробить стрелой, сжечь огнем. Они смертны, правда, очень живучи. А еще никто никогда не мог понять, что двигает ими. Почему они тут же с остервенением бросаются уничтожать все живое. Даже погибая, не отступают. В их стремлении нет никакой логики. Ведь даже хищники обычно не убивают больше, чем нужно для того, чтобы утолить голод. А эти твари убивают просто потому, что убивают.

Весенние грозы были временем битв не на жизнь, а на смерть. Не все грозы приносили с собой опасность, но люди уже научились по косвенным приметам различать их: лиловые тучи, молнии, которые бьют в землю, не утихая ни на секунду, одна за другой, шквалистый ветер. Такие грозы начинались резко и внезапно. Жители окрестных сел, едва только почувствовав приближение ненастья, тут же кидались под защиту крепости. А мы старались их защитить.

Мы... Хм. Не я так уж точно. Я до сих пор с ужасом вспоминаю тот первый раз, когда увидела бестию. Страшный день, изменивший мою жизнь... Если бы я только могла вернуть все назад!

Обычно мы, дети, отсиживались в подвале под присмотром бабушки, уже слишком пожилой для того, чтобы принимать участие в сражениях, и нянек, пока наверху происходило что-то тревожное и опасное. Родители возвращались после таких грозных дней настолько усталыми, что едва держались на ногах, в копоты, а иногда в крови. Потом на одну из битв взяли тринадцатилетнего Фроста. Потом Бриду, Димера, Грету. А я всегда оставалась в подвале...

Нет, моя первая встреча с бестиями произошла намного раньше, чем Грета и даже Брида покинули укрытие. Фросту было тринадцать, и это был его первый бой. Мы все знали, что когда вырастем, то встанем на защиту людей – наших подданных. Это были великая честь и большая ответственность.

Мы в тот день все находились в зале. Уже наступил вечер. Мы сидели у камина, и мама читала вслух книгу, когда залетел слуга, торопливо поклонился и выпалил:

– Гроза, мой господин.

Отец, мама – оба одновременно поднялись на ноги.

– Открыть ворота, – первым делом приказал отец, зная, что сейчас под защиту стен хлынет толпа людей, а после маме: – Готовься, любимая.

А мама посмотрела на Фроста, который от нетерпения не мог устоять на месте. Это была первая весенняя гроза того года, когда ему исполнилось тринадцать. Стихийники уже с тринадцати лет могут сражаться рядом со взрослыми, и родители обещали, что возьмут его с собой. Судя по всему, Фрост не забыл об

обещании, но и прямо спросить не решался.

- Готовься, Фрост, - сказал отец моему старшему брату, и тот расцвел, со снисходительной улыбкой взглянул на младших, нас теперь будто отделила от него невидимая стена. Он стал взрослым, он идет на битву, а мы остались детьми и останемся ждать в подвале. Я увидела, как Брида побелела от злости и сжала губы.

«Готовься». Это означало, что Фрост возьмет меч, изготовленный специально для него, наденет доспехи, выделанные из кожи железного алги - легкие, но невероятно прочные, и выйдет с родителями за пределы стен замка, чтобы не пустить к нам бестий.

- Спускайтесь в подвал, - мягко сказала мама и, больше уже не глядя на нас, поспешила прочь.

В тот момент я не до конца понимала, насколько опасно все, что происходит. Ни одна из бестий на моей памяти не прорвалась за кольцо укреплений. Снаружи сражались подготовленные воины, которых отец сам выбирал из числа подданных-добровольцев. У них были отличное оружие и достойное жалованье. А возглавляли оборону мои родители, не подпуская, насколько это было возможно, к своему отряду опускающихся с небес бестий.

Бестии приходили вместе с дождем, и они сами были дождем. Они падали с неба вместе с каплями. Неуклюжие и смертельные, похожие на кляксы полиписы. Быстрые и верткие змеехвосты. Акусы, что стреляли отравленными шипами. Мелкие и от того особенно неприятные буравчики - мечом их было не убить, стрелой тоже, они были размером с палец. Острые, похожие на заостренные палочки - они впивались под кожу десятками и прошивали несчастных, встретившихся на их пути, насквозь. Единственным спасением от них был огонь. И десятки других тварей, названий которых я не знала.

Хорошо, что, упав с неба, бестии уже не взлетали, только полиписы парили в метре-двух над землей, но перелететь за периметр замковых стен теперь не могли. Могли только просочиться сквозь ворота, которые охранялись очень тщательно.

Помню, когда была маленькой, я очень удивлялась, почему же смертоносный дождь не идет над замком, ведь над ним нет крыши, что же мешает бестиям сразу проникнуть к нам. Потом родители объяснили, что над крепостью установлена специальная защита, которую умеют делать только водники. Заряжают амулеты, накрывающие здание невидимым куполом. Под ним опасность никому не грозит. Амулеты, правда, приходилось время от времени обновлять, а стоило это дорого. Папа как-то даже поругался с отцом Рана, приехавшим как раз по такому поводу.

- Ты меня без штанов оставишь! - кричал папа, не зная, что я подслушиваю. - Год неурожайный, сам знаешь. Я не могу забирать у людей последнее!

Отец Рана был немногословен и терпелив. Он знал, что Флогисам некуда деваться - заплатят как миленькие. Правда, надо отдать ему должное, обещал в следующий раз зарядить амулеты бесплатно.

Замок был под защитой, но вот близлежащие села оказывались легкой добычей, поэтому все бросались к нам, переждать опасность. А еще в каждой деревне оборудованы схроны для тех, кто не мог быстро передвигаться. Отразив первый натиск, родители с отрядом всегда зачищали деревни от тварей. Жителям надо было только переждать. Бестии после грозы быстро погибали. Правда, некоторые долгое время могли выживать в сырых местах: у рек, в лесных буреломах - везде, где сыро, тепло и темно.

К счастью или скорее к несчастью, мой несомненный изъян - отсутствие магии - привел к тому, что я ни разу не принимала участия в настоящей битве. Только слушала хвастливые разговоры братьев и сестер, которые потом еще долго обсуждали каждый момент боя.

- Грета, признавайся, ты бы без ноги осталась, если бы не я! Застыла на месте, как... Как Корявка! Что, очень тебя змеехвост напугал, да?

Грета принималась лупить Димера по спине всем, что под руку попадалось, но по ее голени действительно змеился тонкий алый след от хвоста, похожего на хлыст. Такой легко мог разрубить не то что ногу, даже туловище пополам.

Но это все было уже позже. Моя память все время возвращала меня к тому дню, который я очень хочу забыть. Но не могу. Тому дню, когда Фросту исполнилось

тринадцать и он отправлялся на свою первую битву. Мне было семь, и я должна была вместе с остальными братьями и сестрами отправляться в подвал. Вместо этого я почему-то решила сбежать и принять участие в сражении.

Я не очень хорошо помню, почему так получилось. Знаю только, что в тот момент уже осознавала, что я пустышка. И, кажется, в какой-то книге прочитала, что у некоторых пустышек дар может внезапно пробудиться во время смертельной опасности или опасности, которая грозит их близким. Вик, наверное, ту же книгу читал, ага. Только вот ни фи́га это не работает.

Я подготовилась заранее. Потихоньку стаскивала к себе в комнату и прятала под кровать все, что может пригодиться. Старые мамины сапоги, ее прохудившиеся доспехи, которые, конечно, были мне велики, но все же лучше, чем ничего. Папину стрелу с обломанным оперением. Без лука, правда, но, по моему мнению, боевая стрела и сама по себе заслуживала уважения. Учебный меч Фроста – выщербленный и тупой, зато железный.

Когда в замке началась суета, я сделала вид, что первая побежала в подвал, а на самом деле на половине пути развернулась и тихонько прокралась в свою комнату, чтобы «подготовиться». Я уже предвкушала со всей детской непосредственностью, как приду на помощь в самый тяжелый момент боя. Как спасу Фроста или даже папу – мама, я была уверена, в любом случае справится сама – и как потом они, рыдая, будут меня благодарить.

Такая глупая...

Времени до того момента, как меня хватят, оставалось мало. Бабушка всегда следила за мной во все глаза. Говорила мне: «Искорка моя, за старших я не волнуюсь, они за себя постоят, а за тебя душа болит, мой маленький огонечек». Только бабушка могла так сказать о моем изъяне, что это казалось почему-то вовсе не обидно. Я была в ее понимании не калекой, а просто слишком маленькой искоркой, чтобы обжечь кого-то. Пусть крошечным, но огнем.

За открытыми воротами уже стояла серая стена дождя, хотя на двор замка не упало ни капли. Двор был полон людей. Сумрачные, серьезные лица. Хотя эта напасть повторялась каждый год, но привыкнуть к тому, что весной погибнет кто-то из твоих родных и близких, нельзя. Среди пришедших уже были раненые, некоторые серьезно. наших слуг специально обучали оказывать помощь, и

сейчас они перевязывали порезы и ожоги от стрекательных щупалец.

На меня никто не обращал внимания, хотя я, наверное, выглядела до невозможности нелепо в огромных сапогах, которые вертелись на тощих ногах, в шлеме, который приходилось придерживать рукой, чтобы он не сползал на глаза. В руке я сжимала меч Фроста и чувствовала себя воином.

Людей вокруг было так много, что приходилось буквально проталкиваться. И они все прибывали. Ворота закрывать не станут, потому что поток беженцев не иссякнет во время грозы, они так и будут идти, надеясь на спасение в стенах замка.

Я встала сбоку, глядя на стену дождя и всполохи пламени, освещающие вспышками темнеющее небо. Родителей и Фроста не было видно, но я знала, что они там, где огонь. Бестий тоже не разглядеть – только какие-то тени мечутся за завесой воды. Но бестии это или воины из отряда – не понять.

Вся моя решительность куда-то пропала. Может, и не нужна им моя помощь? Отлично справляются и без меня. Но вдруг я услышала вскрик, и показалось, что это мама вскрикнула от боли. Ужас сжал мое сердце, а дальше я действовала, не совсем понимая, что делаю. То ли мне хотелось защитить маму, то ли, наоборот, я надеялась, что она успокоит меня – улыбнется и скажет, что все хорошо. Как бы там ни было – я выбежала за ворота.

И почти мгновенно ослепла и оглохла от яростного шума дождя, от криков людей и нечеловеческих скрежещущих звуков – словно кто-то водил острием ножа по стеклу. Мерзкий звук, от которого внутри все сжималось и зубы начинали болеть. Над головой, почти касаясь волос, носились какие-то создания, отчего-то пока не обращавшие на меня внимания. Под ногами тоже что-то ерзало, несколько раз вскользь дотронувшись до моих голеней. Как я теперь понимаю, в ту ночь меня спасло только чудо.

Вернее, моя бабушка.

Меч я потеряла сразу, даже не помню, как выронила его из рук. Я не понимала, где нахожусь и куда бежать. Знала, что надо вернуться, но не могла отыскать глазами ворота. Шла, спотыкаясь обо что-то, один раз опустила взгляд и вздрогнула – я наступила на руку лежащего человека. Он смотрел в небо широко

открытыми глазами.

Где-то совсем рядом сражались люди – папин отряд, но я по-прежнему не различала, какие из силуэтов – люди, а какие – бестии. Все смешалось и слилось в единую мрачную картину, наполненную всполохами во тьме, предсмертными криками, тенями, скрежетом и шорохом невидимых тварей.

Огонь! Надо идти на огонь.

И я пошла туда, где загорались волны пламени. Они прокатывались, оставляя после себя горящих бестий. Облака пара взмывали к небесам.

– Папа, мама!

Они не слышали мой тихий голос, больше похожий на писк. Зато кое-кто другой услышал.

Она выросла как из-под земли. В этот момент огненная вспышка осветила тварь всю целиком. Она была похожа на гигантское насекомое – ростом со взрослого человека. Бестия опиралась на задние лапы, покрытые хитиновыми пластинами, а тонкие передние, заросшие серой жесткой щетиной, сложила на груди. Огромные белесые глаза смотрели то ли на меня, то ли сквозь меня. Локуста, а это была именно она, приоткрыла жвалы и издала резкий звук – тот самый скрежет. Я замерла, едва дыша.

Бестия потянулась ко мне своими лапами, тонкие коготки провели по курточке, цепляя ткань. Тонкие, но острые, как бритвы. Следующая секунда могла стать последней.

– Искорка! – раздался крик за моим плечом. – Стой, не шевелись!

Бабуля! Заметила, что меня нет, и бросилась искать. Как она нашла меня посреди творящегося хаоса? Теперь уже никогда не узнать.

Я втянула голову в плечи, стараясь казаться еще меньше, чем есть, но послушалась – застыла на месте. Надо мной пронеслась волна пламени, и вот уже локуста объята им. В предсмертной судороге она сначала отскочила назад,

но потом вновь потянула ко мне лапы. Даже умирая, бестии продолжали убивать.

Я почувствовала, что падаю и что горькая, вонючая земля, пахнувшая дымом, набивается в рот. Глаза залеплены грязью. Это бабушка толкнула меня, а сама упала сверху, закрывая. Я ощутила, как она вздрогнула, и подумала еще, что она, наверное, тоже ударилась. Мне даже в голову не могло прийти, что в эту секунду острые когти локусты...

Как заставить себя забыть? Я пыталась много раз, и мне почти удалось. Я практически ничего не помню о том, что было после.

Вот только никак не выкинуть из памяти то, как кричал отец:

– Мама!

Словно он сам маленький мальчик и ужасно чего-то боится. И я вижу как наяву, что он подхватил ее и понес в сторону ворот. А руки у бабули так странно свесились, болтаются туда-сюда... Я еще не знала, что эти руки никогда больше меня не обнимут.

Папа нес бабулю, а Фрост тащил меня, вцепившись в запястье, и рыдал во весь голос.

– Ой, больно же! – пищала я, пытаюсь вырваться.

Но он только крепче сжимал.

– Ты!.. – шептал он, захлебываясь слезами. – Ты...

Я иногда думаю – может быть, они поэтому меня все ненавидят? Ведь это из-за меня погибла бабушка...

* * *

Академия находилась под защитой тех же водных амулетов, что охраняют и наш замок. Здесь магия даже на порядок выше – купол закрывает от бестий, но пропускает дождевые струи.

Мне нечего бояться. К тому же осенние дожди почти никогда не несут в себе угрозы. И все же, когда еще одна молния ударила совсем близко, осветив небо, перед глазами невольно встала та самая ночь, и я, не осознавая, что делаю, вцепилась Рану в предплечье.

Но он даже не посмотрел на меня, пристально разглядывая теплицы. Я тоже повернулась в ту сторону, не понимая, что привлекло его внимание.

– Это невозможно, – прошептал он.

– Что? Что невозможно?

– Они вырвались из теплицы. Прорвали семь магических щитов. Один из них ставил отец. Как же так?

Кажется, даже Рану изменило хладнокровие. А я, когда наконец поняла, в чем дело, едва устояла на ногах – так стало страшно.

По корпусу одной из теплиц, что располагалась дальше остальных, змеилась широкая трещина, и из нее одна за другой выскальзывали бестии. Они взлетали невысоко, почти сразу шлепались на землю и ползли, шагали, левитировали в сторону людей. Так вот, значит, что там выращивают...

Студенты, что бежали в направлении теплиц, сначала застыли на месте, потом заняли круговую оборону. Те, у кого в руках было оружие, встали живой стеной вокруг тех, кто был безоружен. Но какое оружие – смех, да и только. Учебные мечи, по большей части деревянные. Такие же, как сейчас у нас в руках.

Твари были еще далеко, но бестии передвигаются очень быстро, когда хотят. Даже такие с виду неуклюжие, как полиписы.

– Не отходи от меня, – приказал Ран. Кажется, к нему вернулась его прежняя выдержка. – Бежать бесполезно – мы посреди поля. Будем сражаться.

Я кивнула. Что тут скажешь? Отлично начался учебный год, слов нет.

Глава 8

Диверсия

– Встань за моей спиной. Не лезь вперед без крайней необходимости.

Говорил так, будто уверен был, что я не ослушаюсь. Но я спорить не стала – толку от меня правда маловато в этом деле.

Самыми страшными мгновениями в этой битве стали те, когда смотришь на приближающихся бестий и вынуждена просто ждать. Бежать нельзя – догонят и убьют. Сжимаешь в руках бесполезный меч, который и стебелек травы-то не перерубит, и молишься богине Солнце о том, чтобы смерть стала не слишком мучительной. Ран стоял на шаг впереди. Я видела, как на его плечах напряглись мышцы.

Бестию рассредоточились по полю, нападая на всех, кого видят. Стихийники бились отчаянно, но были застигнуты врасплох. Я слышала крики боли, и сердце сжималось от ужаса. Пока еще все стояли на ногах, но сколько пройдет времени, прежде чем кто-то умрет?

А совсем скоро мне стало не до размышлений. Первым до нас с Раном добрался змеехвост. Он был не такой большой, какими обычно бывают его собратья, но все-таки быстрый и опасный. Остановился в двух шагах, припал на все четыре лапы, нюхая воздух и поглядывая на Рана злыми оранжевыми глазами, горящими на угольно-черной морде. Змеехвост был похож на крысу – огромную черную крысу с узким длинным хвостом, который, если обвивался вокруг руки или ноги, мог легко ее оторвать, а укусы его игольчатых зубов ядовиты и очень болезненны.

– Ран...

– Тихо, Кора. Не шевелись.

Я тихонько всхлипнула, перехватывая рукоять меча. Эти деревянные игрушки змеехвосту на один зуб. Ух, как же страшно. Радовало только то, что другие твари пока далеко и у нас есть в запасе минута-другая.

Бестия распрямила хвост, приподнялась на задних лапах. Это означало, что сейчас она нападет. Так и есть! Прыжок! Ран взмахнул мечом, отбивая тварь. Та отлетела назад как лохматый, злобно шипящий мяч. Приземлилась и тут же с удвоенной силой бросилась вперед. Ран подцепил ее поперек живота и отшвырнул как можно дальше. Это превращалось в какую-то глупую игру – было бы смешно, если бы не было так страшно.

Ран сосредоточился на змеехвосте и не видел, что сбоку к нему подкрадывается черное пятно – словно клубок дыма, который отчего-то не растворился в воздухе. Совсем не похоже на мою милую Чернильную Бестию, но все же я прекрасно знала, что это полипис.

– Ран!

Он раздраженно дернул головой – мол, не мешай. А я от волнения не могла больше сказать ни слова. Из черного сгустка тем временем вытянулось стрекательное щупальце. Папа рассказывал, что боль пронзает такая, будто молния ударила. Все тело немеет, а руки и ноги сводит судорогой. У него на плече до сих пор след остался.

Я закусила губу и что было сил рубанула деревянным лезвием по отростку, который тянулся к Рану. Полипис пронзительно заверещал. Я и не догадывалась, что они могут издавать такие отвратительные вопли. Даже голова закружилась и слабость во всем теле появилась. Только бы не упасть... Или ладно. Умру, пока буду без сознания – не так уж и страшно. К чему бороться – вон их сколько вокруг, и все прибывают. Эта теплица как бездонная дыра. Вот зачем, спрашивается, держать опасных тварей на территории Академии, пусть и запертых на семь печатей и укрытых семью щитами.

Я упала на колени, опираясь на меч, и лихорадочно думала – то ли попытаться все же подняться на ноги, то ли пусть уж. Чувствовала себя слабой, как цыпленок. Тут кто-то дернул меня под локоть. Я нехотя перевела взгляд – Ран возвышался надо мной и тянул вверх. Но смотрел не на меня, а на бестий, которые теперь окружали нас плотным кольцом: к змеехвосту и полипису

присоединился скример – длинный и сухой, как жердь. Он медленно переставлял свои тонкие ноги-палочки. Пока молчал, но неизвестно, как долго будет везти. Скример, на вид самый безобидный, убивал одним только криком. Вот уж чей вой и в сравнение не шел с воплем полиписа.

Ран отбивался ото всех троих, держа их на расстоянии вытянутой руки – все, что он мог сделать. Наше игрушечное оружие было бессильно против них.

– Вставай! – прошипел он сквозь зубы. – Кора, слышишь меня! Немедленно вставай на ноги!

Я была как вареная.

– Прости... Я так устала...

Он выругался, мотнул головой, сбрасывая влажную челку, что лезла на глаза, и, обхватив меня за талию, поднял одним рывком.

– Держись. Сейчас отпустит.

Зря Ран отвлекся на меня! Потерял контроль над ситуацией. Он и так удерживал их только каким-то невероятным мастерством. Но силы изначально были неравны... Хвост похожей на крысу-переростка твари обвился вокруг рукояти меча, заодно сдирая кожу с пальцев Рана, и вырвал оружие из его руки. Все. Это все. Я зажмурилась, приготовившись к смерти.

Но последние секунды все тянулись и тянулись, так что пришлось открыть глаза. Бестии все так же окружали нас. Отростки и когти скребли воздух в опасной близости от наших тел, но бессильно увязали в какой-то невидимой преграде. Ран прижал меня к себе, обнял поверх моих рук, стараясь, чтобы мы оба занимали как можно меньше места в пространстве.

– Поставил экран, – прерывисто объяснил он. Я почувствовала, как тяжело он дышит – так, будто выполняет трудную работу. – Не знаю, сколько смогу продержаться... Если помощь не придет...

Если помощь не придет, жить нам осталось недолго, что уж тут непонятного. И вот странное дело – совсем недавно я сама хотела умереть и даже пару минут назад готова была сдаться. Но сейчас так отчаянно хотелось жить! Ну пожалуйста, пусть нас спасут. Обещаю – больше никогда не стану хныкать, жаловаться и жалеть себя. Пожалуйста, мать Солнце и отец Луна!

Я видела, что защитная оболочка начинает сдаваться под натиском бестий, но тут услышала крики спешащих на помощь стихийников: студентов и преподавателей.

Я почувствовала волну горячего воздуха, которая пронеслась, не причинив вреда. Зато бестии, окружившие нас, запылали, словно факелы. А скримера для верности еще и проткнули стрелой – он так и не успел использовать свой смертельный крик.

Стрела оказалась с подозрительно знакомым оперением. Так и есть – из-за спины выскочила Брида, окинула нас быстрым взглядом, чтобы удостовериться, что все в порядке, кивнула Рану и умчалась дальше, в гущу битвы, что развернулась у теплиц. Она была одной из многих, кто торопился на выручку. Вокруг то и дело вспыхивали огненные всполохи. Комья земли вырывались наружу, и ямы, образовавшиеся на их месте, проглатывали бестий целиком – излюбленный прием земляных магов. Воздушники создавали смерчи, которые затягивали в свою воронку зазевавшихся тварей. Скоро мы были в безопасности – вокруг не осталось ни одной живой бестии.

Ран опустил руки, выпуская меня. Я почувствовала, как он дрожит от перенапряжения. Неужели мы живы? Все позади?

Кто-то схватил меня за запястье, грубо дернул, оттаскивая от Рана. Я вскрикнула, но тут разглядела, что это Фрост. Он уже создал огненный портал и почти волоком тащил меня в его сторону.

– Фрост, стой. Подожди...

Кто бы меня еще услышал! Фрост хмурился и явно был не настроен болтать. Последнее, что я увидела перед перемещением, – Раннитар, смотревший мне вслед. Я видела, как он устал – едва на ногах держится, с пальцев, искалеченных змеехвостом, капает кровь. А мы его бросим здесь одного?

– Фрост!

Но братец молча затащил меня в огненный круг, и через секунду я оказалась в центральном холле, том самом, где собирались все студенты вчера, когда прибыли в Академию. Вчера? Всего один день прошел? А кажется, будто месяц.

– Будь здесь, – проговорил он зло. – Кора, почему ты всегда влипаешь в неприятности? Вместо того чтобы помогать остальным, я разыскиваю тебя, непутевую, глупую девицу. И что же – ты снова не упустила возможности влипнуть в неприятности. Не удивлен!

Обидно! Хотя Фрост есть Фрост, ничего другого я не ожидала. Он и слушать не станет о том, что я оказалась там не по своей вине. Так и есть – развернулся и вновь нырнул в портал, чтобы оказаться на поле.

Холл сейчас был чем-то вроде штаба, куда стекались стихийники. В основном раненые, кто не мог стоять на ногах и противостоять бестиям. Многие лежали на полу или сидели, уставившись невидящим взглядом в стену – наверное, перед их внутренним взором вновь и вновь разворачивалась битва, в которой они чудом остались живы. Каждый из них видел своих бестий, как и я своих – змеехвоста, полиписа, скримера... Ой, как же мы живы-то остались?

Время от времени я пыталась отыскать взглядом Рана, но так и не увидела его. А потом по рядам пронесся шепот – бестии побеждены, теплица запечатана неснимаемым заклятием, но расходиться пока нельзя: директор хочет сообщить что-то важное.

Директор появился на балконе, как в прошлый раз. Вот только сейчас его одежда была в беспорядке – покрыта пылью и копотью, кое-где разорвана. Преподаватели, вставшие рядом, тоже выглядели не лучшим образом. Нашего куратора я с трудом узнала: он был испачкан грязью с ног до головы.

Я почти не вслушивалась в то, что говорил Терран Аквидус, все оглядывалась в поисках Рана. Он ведь уже должен вернуться! Но тут стихийники одновременно издали странный вздох, полный негодования, и я решила узнать, о чем речь.

– Да, да... Как ни прискорбно мне это сообщать, но повторю – вероятно, имела место диверсия. Мне трудно в это поверить и еще труднее произнести вслух, но сорвать семь печатей и уничтожить семь щитов мог только стихийник. Вернее, я думаю, он действовал не один. Пока невозможно понять, на что они рассчитывали, проведя эту губительную акцию, но обязательно выясню. Уже создана специальная комиссия по расследованию...

Дальше я не слушала, потому что сидящая рядом первокурсница-воздушница задавала вопрос, который волновал и меня. Ее голос дрожал от обиды:

– Я перепугалась до смерти! Я думала, это безобидные теплицы. В теплицах, вообще-то, цветы выращивать должны, а не чудовищ!

Кто-то из старшекурсников благосклонно объяснил:

– Их так просто назвали. Там держат бестий на самом деле. Нам, для тренировок. И просто изучают, чтобы понять, что они такое и откуда приходят.

– И уже поняли что-то? – не удержалась я.

Старшекурсник-огневик смерил меня взглядом, узнал и проигнорировал. Но, кажется, я уже успела нарастить дополнительный слой кожи, потому что его демонстративное поведение не слишком-то меня и задело.

– А правда, они поняли что-то? – подхватила воздушница, она, видно, еще не знала обо мне, потому что посмотрела вполне дружелюбно.

– Мне не докладывали, – снизошел до ответа стихийник.

Тут я заметила, что все стали потихоньку расходиться. Опасность миновала, и даже, как первым делом сообщил Терран Аквидус, никто не погиб. Представляю, что бы здесь началось, если бы кто-то погиб! Здесь все дети влиятельных родителей, которые бы потом Академию по кирпичику разнесли!

Я поднялась на дрожащих ногах, не зная, куда теперь идти. Занятия сегодня отменили, а возвращаться в комнатку и сидеть там одной весь остаток дня совсем не хотелось. Если бы хоть учебники выдали... Вот до чего доводит

одинокчество, так я, пожалуй, даже учиться полюблю.

И вдруг я увидела Рана. Он выходил из зала с группой других водников. Он уже не выглядел таким уставшим, как на поле, даже волосы пригладил.

Разговаривал о чем-то с девчонкой со своего курса и улыбался. Показал ей свою руку, уже перебинтованную кем-то из медиков, кивнул, усмехнулся. Хвастается своими боевыми ранами. Мне вдруг так захотелось оказаться рядом и тоже рассказать, как мы вместе сражались бок о бок. Почему он ко мне даже не подошел? Но он и не должен был... Он знал, что со мной все в порядке...

– Ран!

Я крикнула прежде, чем осознала, что делаю. Ран вскинул голову на крик, наши взгляды встретились, он кивнул и улыбнулся той же легкой улыбкой, какой улыбался только что однокашнице. На этом надо было и завершить общение. Да... Но я зачем-то стала пробираться сквозь толпу, чтобы подойти ближе.

– Ты как? Как рука?

– Все нормально. Пустяки!

– Ран... Спасибо, что не бросил меня там! Если бы не ты...

Ран едва заметно скривился, будто говорить об этом ему было неловко.

– О-о-о, Раннитар, – пропела стихийница, которая все еще стояла тут же, рядом. – Ты спас бедняжку? Она бы точно погибла там...

Она в упор смотрела на меня, и по взгляду я догадалась: она тоже в курсе того, кто я.

– Да ерунда, – Ран перебил однокурсницу и, приобняв ее за талию, повел за собой к выходу. Он даже обращался не ко мне: – Кора – сестра друга. Разве я мог поступить по-другому?

Вот кто я для него. Сестра друга. Навязанная директором повинность.

Наверное, я еще не успела отрастить достаточно толстую кожу, потому что стало так больно, словно огонь снова обжег меня. Даже больнее, пожалуй...

Глава 9

Вполне сносная жизнь

Тот вечер мне не пришлось проводить в одиночестве – родители, взволнованные произошедшим, примчались в Академию, чтобы проведать нас. Вообще это не разрешается, но в виде исключения позволили.

Мы все вместе разместились у Фроста – у него, как у старшекурсника, была самая большая и уютная комнатка, но когда все члены семейства Флогис расселись на кровати и креслах, а кое-кто даже на подоконнике, то она сразу показалась маленькой и тесной. Семейные посиделки, как всегда, превратились в спор – кто кого сильнее, храбрее и умнее. Ничего нового. Брида описала спасение меня и Рана так, словно мы только ей и обязаны жизнью. Хотя, если хорошенько разобраться, так оно и есть...

Я, как обычно, молчала, мне, в общем-то, рассказать было не о чем. Разве что...

– А я рубанула по стрекательному щупальцу полиписа, – робко вставила я реплику.

– Ого! – поразовался папа, кажется, даже искренне. – Отрубила?

– Не-а... Меч был деревянный. Мы с Раннитаром тренировались, когда все началось.

И несмотря на то, что братья и сестры снисходительно заулыбались, представляя меня, размахивающую деревянным мечом, отец был впечатлен.

– Ты меня радуешь, Кора. И я, видно, был прав, когда попросил Молинара, чтобы его сын подтянул тебя по мечевому бою. Мальчишка молодец, да?

- Ага, - тут же встрял Димер. - Видел бы ты, какими глазами наша Корявка на него смотрит. А ведь ее судьба - сидеть в старых девах, по-другому-то не получится...

- Перестань! - резко перебила его мама.

Я почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Ну почему Димер всегда такой невыносимо мерзкий? Очень хотелось уйти, но я пересилила себя и осталась - раз уж твердо решила быть сильной, то надо начинать прямо сейчас.

Эти первые дни в Академии я потом еще не раз вспоминала. Как мне было страшно и грустно, как меня штормило от надежды на то, что все будет хорошо, до полного отчаяния. Теперь я точно знаю, если не сдаваться и продолжать идти вперед хотя бы крошечными шагами, то рано или поздно все наладится. В моем случае - поздно. Но самым страшным, как я теперь понимаю, было пережить эти два дня, потому я их и запомнила в таких подробностях.

Следующий день - третий день в Академии - встретил меня туманным холодным рассветом, так что я даже надела накидку, отправляясь в учебный корпус. Рядом со мной на занятия спешили мои однокурсники - туман скрадывал шаги, и казалось, что меня сопровождают тени. Вернее, это я была тенью, потому что они шли парочками и группами, а я одна.

Первое занятие в этом году сделали общим для всех стихийников. Нас разместили в большой аудитории для вводной лекции. На партах уже лежали комплекты учебников и листы для записи. Я присела с краю, стараясь не привлекать к себе внимания, но после того, как Вика наказали, другие больше не осмеливались открыто задирать меня. Да еще в присутствии преподавателя.

Преподаватель - Лоерран Мен - маленький старичок в синей мантии, выдававшей в нем водника, начал рассказывать то, что каждый стихийник и так знал с рождения, - особенности проявления каждой магии. Как я ни была настроена на учебу, но тут заскучала и начала бездумно рисовать на листе бумаги узоры. Увлелась и даже не сразу поняла, почему стало так тихо и почему все смотрят на меня. Некоторые открыто, другие исподтишка. Но тут услышала тихий голос нашего лектора и все поняла.

– Иногда у детей, родившихся в самых древних и сильных магических семьях, дар не проявляется. Редко бывает так, что он просто дремлет, но в таких случаях он все же может развиваться в экстремальных ситуациях. Обычно это случается до подросткового возраста. После наступления подросткового возраста шансов на обретения дара почти нет. В нашем обществе, к сожалению, бытует предвзятое отношение к таким стихийникам. Их называют пустышками и бездарниками. Их презирают и боятся. Но мы ведь с вами, друзья мои, не такие примитивные, правда? Мы ведь не будем унижать человека только лишь за то, что ему не посчастливилось родиться таким, как мы?

– Нет... – нестройно ответили студенты, потому что именно этого ответа от них ждали.

Лоерран Мен быстро, словно случайно, посмотрел на меня, и я сразу догадалась: он знает. Получил приказ от директора провести душещипательную беседу в духе: пустышки – тоже люди, не надо их обижать. Хотелось сползти под стол и сидеть там до конца лекции.

– А что таким стихийникам... Хм, то есть людям... Что им делать в Академии? Чему они могут здесь научиться? Пусть дома сидят!

Это неугомонный Вик все же не выдержал, подал голос. Видно, сильно его заедало, что он здесь на птичьих правах, а я, бездарница, пришла на все готовое. По-своему, он даже прав...

Лоерран Мен растерялся, он не был готов к такому вопросу.

– Вы... Мастер Викар, если не ошибаюсь? Боюсь, что это решать не вам... Это вопрос сложный и неоднозначный...

– У-у-у-у! – загудела половина аудитории.

Я втянула голову в плечи. Карандаш в моей руке треснул – так сильно я его сжала.

– Она дралась вчера наравне со всеми! – раздался чей-то звонкий голос. – Пусть у нее нет магии, но она все равно стихийник, такой же, как мы. Вы вот видели,

что вчера творилось на поле? Не видели, конечно: первокурсников не пустили сражаться. А я там была! И она была. И сражалась с деревянным мечом в руках против полиписа.

Я робко обернулась и увидела ту самую девушку-воздушницу, с которой вчера перекинулась парой слов в холле. По ее словам, я просто героиней выходила, хотя, на самом деле, без Рана не продержалась бы и минуты. И все же сказанное было правдой. Я там была, и я сражалась как могла.

В аудитории стало тихо. Больше не было сказано ни слова, лекция плавно свернула к другим темам, занятие продолжилось, и будто бы ничего не произошло. Но все же я чувствовала: что-то изменилось. Они по-прежнему смотрели на меня, когда думали, что я не вижу, но это были другие взгляды. Трудно объяснить.

После лекции, когда мы должны были разойтись по другим кабинетам, Вик, проходя мимо, словно случайно задел мои учебники и рассыпал по полу.

– Пусть дурачкам втюхивают сказочки про бедных бездарников. Тебе нечего здесь делать, пустышка. И ты скоро вылетишь, я тебе это обещаю, – прошипел он, наклоняясь и делая вид, что собирается поднять книгу.

Я промолчала – не связываться же с этим здоровым и злобным лбом. Выждала, пока он уйдет, и начала собирать учебники. Стихийники торопились мимо. Это было неувидительно. Удивительно другое – двое вдруг остановились и начали помогать. Торопились и старались не смотреть мне в глаза, но... Но! И такое огромное «но», что внутри от него стало тепло и радостно!

* * *

После этого дня стало легче. Чуда, конечно, не произошло – друзей так и не появилось. Но теперь мою жизнь уже нельзя было назвать невыносимой. Я приходила на занятия без страха быть униженной и могла спокойно учиться. Правда, веселая студенческая жизнь с ночными посиделками до утра и закрытыми вечеринками, которые иногда устраивали тайком от преподавателей – хотя сдается мне, что те были в курсе, просто закрывали глаза, – проходила мимо меня.

Я знала, что Грета добилась-таки расположения Виллиса, а Брида уже давно, года два, встречается с Аркеллом со своего курса и скорее всего они поженятся после окончания Академии. Не то чтобы она посвящала меня в свои планы, просто такое сложно утаить, и я иногда слышала разговоры родителей по поводу приданого. Димер завел какую-то несерьезную интрижку с девчонкой из водников, из группы Рана. Один Фрост думал, кажется, только о выпускных экзаменах и не отвлекался на такие глупости, как романтика. Вот и я не отвлекалась... Просто иногда задумывалась: если представить на миг, что я самая настоящая стихийница с таким же сильным даром, как у всех Флогисов, обратили бы тогда на меня внимание? Время от времени я разглядывала себя в зеркале, пытаюсь понять – есть ли во мне что-то, что привлекло бы кого-нибудь... Например, Рана... Я видела стройную девушку с волосами медового оттенка, с большими синими глазами. По сравнению со старшими сестрами, которые выше меня и даже на вид гораздо сильнее и увереннее, я, конечно, проигрывала. Они настоящие красавицы, и дар у них есть, а я... Слабая, хрупкая и мелкая... Ран не взглянул бы на меня, даже если бы я воспламеняла деревья одним только взглядом.

Ран... Я не знала, кем он был для меня. Едва ли другом, ведь друзья не встречаются только лишь для того, чтобы потренироваться на мечах. Он всегда был безукоризненно вежлив и даже приветлив и занимался по-настоящему – не так, будто отбывал скучную повинность. Может быть, это просто в характере Рана – он во всем такой основательный. Если уж взялся подтянуть неумеху вроде меня, то приложит для этого все усилия. Вот и гонял меня без жалости то по полигону, то по полосе препятствий. Да, оказывается, у нас и полоса препятствий имеется. Жуткая мясорубка – рвы, наполненные грязью; каменные стены, на которые надо карабкаться по тонким веревочным лестницам, натирающим руки до кровавых мозолей; шаткие мостики без перил. В общем, не знаю, чья буйная фантазия изобрела это, но скучно на полосе препятствий не было никому. Даже Ран выматывался, что уж говорить обо мне. После таких занятий я просто без сил падала на кровать и проваливалась в сон.

Занимались мы каждый день – ранним утром перед занятиями и ближе к вечеру. Ран ждал меня у корпуса, сжимая под мышкой мечи, всегда на одном и том же месте. И я, уже издали разглядев его фигуру, невольно чувствовала радость. Пусть это только тренировки и он мне не друг даже. Но все же он рядом. Подбадривает, подает руку, если я упала, улыбается одобрительно, когда у меня начинается что-то получаться.

Эх, Раннитар. Как бы я хотела быть самой сильной, самой красивой и умной. Тогда бы ты посмотрел на меня не просто как на бедняжку бездарницу. Тогда бы в твоих глазах появилось другое выражение – не то, которое обычно появляется, когда ты смотришь на меня. «Она такая слабенькая, – ясно видела я. – Но старается».

В промежутках между занятиями и тренировками я сидела в библиотеке и продолжала учиться. Библиотекарь – молодая женщина, маг стихии воздуха, – сначала смотрела на меня с плохо скрываемым раздражением и думала, наверное, то же, что Вик: зачем она здесь? Зачем каждый день корпит над книгами, ведь дара у нее все равно нет и не будет, и жизнь ее predetermined – одинокая несчастная жизнь затворницы в родовом замке. Но постепенно, спустя несколько недель, моя настойчивость принесла плоды. Я заметила в ее глазах что-то вроде уважения, а еще через несколько дней она протянула мне ключ от закрытой комнаты, где хранились редкие книги, доступные только преподавателям.

– Вот, возьми, если хочешь, можешь там книги тоже смотреть. Это не то чтобы запрещено, просто обычно студенты используют книги не совсем по назначению. В прошлом году «Историю магии» изрезали на шпаргалки, стоило мне отвлечься на минуту. Тебе я доверяю.

– Спасибо, – прошептала я, польщенная.

В маленькой комнатке пахло пылью и особенным книжным запахом. словно сами древние знания испускали этот сладковатый таинственный аромат. Новые книги так не пахнут, только старые. Я провела пальцем по тисненым кожаным переплетам. Даже открывать их было страшно – я чувствовала себя недостойной касаться таких великолепных книг. Может быть, позже придет мое время.

Вик тоже практически перестал доставать меня. Вернее, я почти каждый день получала от него какие-то шпильки и подколы, но вполне безобидные. В этом Вик напоминал капризного трехлетнего ребенка, который не получил то, что ему нужно, но и сдаваться просто так не хочет. Время от времени он напоминал мне, что я скоро вылечу из Академии, но я старалась не обращать внимания на его слова. Вик сколотил вокруг себя компанию таких же недалеких дружков, но те хотя бы предпочитали не вмешиваться в наши разборки. И если Вик скидывал мои книги или выливал сок в мою тарелку с едой, то они обычно просто ухмылялись, стоя в отдалении.

Дни становились короче, погода портилась – дело постепенно двигалось к зиме. По утрам уже можно было увидеть на лужах лед, а на траве изморось. Днем, правда, солнышко еще пригревало, так что иногда казалось, будто лето вернулось. Но понятно было: еще немного – и снег покроеет землю.

Тихая, размеренная жизнь. Мне было совсем не грустно и не скучно. Все складывалось хорошо...

Именно так я себе и говорила каждый вечер, возвращаясь в одиночестве в свою холодную маленькую комнату.

Ладно, кого я обманываю. Мне тоже до ужаса хотелось, чтобы меня позвали на вечеринку. Хотелось проводить вечера в компании друзей. Смеяться, веселиться и немножко хулиганить. Очень часто, когда я в темноте шла в свой корпус, поднимала голову и смотрела, как на горе Воздушников загораются яркие огни. Там у костров сидели студенты, пели песни, жарили что-то. Я слышала взрывы смеха и громкие голоса. И замирала, глядя вверх, прижимая к груди книги.

Интересно, если кто-то сейчас посмотрит с высоты вниз, что он увидит? Увидит ли грустную девушку, которая стоит в обнимку с учебниками и смотрит, смотрит... И никак не может наглядеться...

Они оставались радоваться жизни, а я уходила прочь. Никому даже в голову не приходило позвать меня на такие посиделки.

Но иногда наши желания сбываются, когда совсем этого не ждешь и уже не надеешься.

Все получилось случайно. Ран в тот вечер особенно усердно меня муштровал: гонял по тонкому мостику, который так и норовил уйти из-под ног. Я уже говорила, что перил не было, а внизу пролегал ров с жидкой грязью? Падать в грязь мне совсем не хотелось, поэтому я, чувствуя, что теряю равновесие, предпочитала падать на колени и хвататься за доски. Колени уже болели от моих нескончаемых падений, а Ран начинал злиться.

– Кора, ну что с тобой сегодня? Ты чего все пытаешься куда-то вбок завалиться? Иди ровно и смотри перед собой. Просто иди, не торопись!

Я вздыхала, и все повторялось сначала. Наверное, он не отстанет от меня, пока я не преодолею этот проклятый мост. Я доползла до противоположного края, поднялась на ноги и снова ступила на дощатое покрытие. Тут же, как по закону подлости, мост закачался от порывов ветра.

Я шмыгнула носом, который от холода уже предательски покраснел. Волосы я даже не пыталась убирать с лица, все равно через секунду пряди выбьются и перекроют мне весь обзор. Какая я, должно быть, красotka сейчас – лохматая и с сопливым носом.

– Иди! – крикнул Ран. – Давай уже заканчивать, у меня дела вечером.

Знаю я эти дела. Ран, в отличие от меня, был желанным гостем во всех компаниях. Я старалась не думать о том, что он всегда находится в центре внимания. Знала, конечно, что мне никогда и ни при каких обстоятельствах не быть с ним вместе, но представлять, что он может обнимать кого-то или его станет кто-то обнимать, было неприятно.

Правда, как-то, набравшись смелости, я прямо спросила Рана о том, встречается ли он с кем-нибудь. Сделала вид, что переживаю – ведь он тратит на меня столько времени.

– Мне не до этого, – ответил Ран со свойственной ему прямолинейностью. – Есть дела поважней. Заводить девушку только ради того, чтобы перед друзьями похвастаться? Ерунда какая.

Так хорошо стало после этих слов. Вот и ладно! Я не его девушка, но и другой девушки у него нет и долго еще не будет. Надеюсь.

– Кора! – снова крикнул он, и я поняла, что застыла на месте, предавшись размышлениям.

Ладно. Вперед. Я сделала маленький шаг. Еще один. Мост задрожал, как норовистая кобылка, которая собирается скинуть неумелого седока. Колени подогнулись, и дальше я передвигалась на полусогнутых. Только бы одолеть уже этот ненавистный мост, и можно идти домой!

Я прошла три четверти, но тут нога соскользнула с края, и я, нелепо взмахнув руками, повалилась ровнехонько в грязь. Холодная черная жижа заполнила сапоги и добралась до колен. Я попыталась вытащить ногу, но не устояла и уселась в слякоть. Прекрасно! Могу представить, как будут потешаться те, кто разглядит это жирное черное пятно на моей пятой точке.

Ран спрыгнул рядом и пошел по грязи так, будто это была хорошо утрамбованная плотная земля. Под его шагами жижа застывала, но за спиной снова расползлась. Это все штучки водников. Обидно, если честно.

Я всхлипнула, пытаюсь сдержать слезы. Я уже так давно не плакала, что думала, будто смирилась с несправедливостью жизни. Да, мир несправедлив и очень жесток. Да, мне не повезло. Но слезы все равно ничего не смогут изменить.

- Как ты? Не ушиблась?

Ран присел рядом на корточки.

- Подожди, сейчас вытащу тебя!

Жижа легко поддалась его магии, выплюнула меня с громким чавканьем. Ран попытался меня отряхнуть от грязи, кажется, даже не осознавая, что я не маленькая девочка и стучать меня по попе не очень прилично.

- Пусти! - вывернулась я.

- Ну прости, Корюшка. Я тебя совсем загнал. Пойдем провожу.

Корюшка. Он один только звал меня так. Иногда. Когда понимал, что мне нужна поддержка. Лучше бы он сейчас злился на меня, лучше бы хмурился, чем так...

Потому что мой замороженный нос дал течь, только на него грешу. Ведь не может быть, чтобы это я сама так глупо разревелась.

- Ты чего? Ну чего ты?

Ран опешил, не ожидал, что я расплачусь. Он был из тех парней, которые никогда не знают, что делать с женскими слезами. А я не знала, что ответить. Столько всего можно было сказать, но вместо этого я ляпнула какую-то чепуху.

– Я тоже хочу на вечеринку, – прошептала я. – Почему меня никто не приглашает?

Могу себе представить, что Ран в этот момент подумал про женскую логику вообще и обо мне в частности.

– Ну, пойдем со мной, – растерянно ответил он. – Пойдешь сегодня? Я тебя приглашаю.

Вот так и получилось, что я оказалась на горе Воздушников. На той самой вечеринке, о которой еще долго потом вспоминали в Академии...

Глава 10

Вечеринка

Случилось то, чего я так давно хотела. Но чувствовала ли я радость и воодушевление? Вот и нет. Мне вдруг стало страшно: едва ли я буду желанным гостем, даже если приду с Раном. И все же маленькая глупая надежда прорастала в сердце: может быть, все пройдет лучше, чем я себе представляю? Они ведь меня совсем не знают – видят мельком в столовой да на занятиях, где я сижу тихо, как мышка. Все понимают, что я пустышка, но совсем не знают меня как человека. Я могла бы стать хорошим другом кому-нибудь. Я умею слушать. И стихи пишу. Пока не очень умелые, но смогу лучше со временем, я думаю.

И все же, пока я переодевалась в платье, а Ран ждал меня за дверью, я себя извела сомнениями. Может, не надо идти? Тело ноет от усталости – лучше лягу и буду отдыхать. А завтра новый день, учеба, тренировки – все пойдет как обычно. Ну и ладно, такая моя судьба, значит...

Ну уж нет. Я решительно сжала губы – отступлю сейчас, второго шанса не будет. Чего я так боюсь? Ран будет рядом, все будет хорошо.

– Долго ты! – сказал Ран, оглядывая меня удивленным взглядом, будто вместо серого форменного платья и теплой накидки ожидал увидеть вечернее с глубоким вырезом и колье на шее. Но в Академии не разрешали носить другую одежду, кроме той, что выдавали всем в начале года. Я только волосы собрала в высокий хвост – ничего другого уже не успевала.

Сам Ран решил, что переодеваться не будет. Он даже после тренировки выглядел отлично – подтянутый и стройный, на одежде ни единого пятнышка. Волосы причесал пятерней – и готов. А мог бы и не приглаживать – растрепанный, он даже еще симпатичнее.

На гору Воздушников можно было попасть только одним путем – по воздуху, конечно. Что для магов этой стихии совсем не сложно – они умели парить на высоте ста метров, а некоторые одаренные стихийники взлетали даже выше. Но и ста метров вполне достаточно – именно такой высоты гора, на которой стояли их спальные корпуса. Поэтому нежеланные гости никогда не смогли бы попасть на ночные посиделки: ведь маги огня, воды и земли летать не умели. Каждого гостя брали под руки два воздушника и уносили их наверх.

Даже начало вечеринки было веселым: девчонки-стихийницы, не сдерживаясь, верещали и цеплялись за воздушников, которые, пользуясь моментом, делали вид, что вот-вот выронят гостей из слабеющих рук – то один, то другой разжимал пальцы, и девчонки, провалившись вниз на несколько метров, сначала кричали как резаные, а потом заливались смехом. Все давно знали эту шутку, поэтому никто не пугался по-настоящему.

Когда наверх поднимали парней, это было тоже забавное зрелище, но другого рода, потому что в таком случае лица всех участников становились суровы и бесстрастны. «Ну и подумаешь – тащат меня под белы ручки два типа, обвешанные браслетами, все в порядке вещей!» – ясно читалось на лицах земляных, водников и огневиков. «Ну и подумаешь – несем мы этого бугая, прижав к груди, как самое дорогое сокровище. Все в порядке вещей!» – крупными буквами было написано на лицах воздушников.

Девочки-воздушницы не принимали участия в перетаскивании гостей, просто парили рядом и занимали всех разговорами. Вернее, отвлекали, потому что, заметив друзей, стремились обнять их прямо в полете, отчего происходили заминки и столкновения.

Мы с Раном подошли в числе последних, когда ручеек желающих подняться на гору почти иссяк. Перед нами стояла парочка – два земляных мага. Оба – и парень, и девушка – словно каменные изваяния, как скульптуры, вырезанные из серого булыжника. Но воздушники подхватили их под руки и понесли наверх с такой же легкостью, как всех остальных. И девушка-земляная визжала и пищала ничуть не меньше, чем любая другая стихийница.

– Привет, Ран! – приветливо воскликнул один из воздушников, стоящих наготове.

– Рад видеть тебя, Аллис, – Ран поднял раскрытую ладонь – знак чистых намерений, приветствие, принятое у водных, – а потом приложил ее к груди – пожелание долгих лет и здоровья, принятое у воздушников.

Мне очень нравилась эта черта у Рана – он к каждой стихии относился с уважением, не выделяя свою собственную, как это всегда, тайно или явно, делали остальные.

– А кто это с тобой?

Аллис с любопытством всмотрелся в мое лицо, почти неразличимое в темноте. Узнал. Но если и был удивлен, то вслух ничего не сказал.

– Держитесь!

Меня подхватили с двух сторон, и я почувствовала, как земля ушла из-под ног. Невольно вцепилась в руки, что держали меня. Ух, страшно. Ветер в лицо. Огромное звездное небо над головой. И кажется, будто я не взлетаю, а падаю в него с огромной высоты. По-моему, я даже не дышала все то время, пока меня поднимали на гору, потому что потом, уже стоя на площадке, все никак не могла отдышаться. Воздушники, вероятно почувствовав мой неподдельный ужас, даже не стали делать вид, будто могут меня уронить. У меня бы тогда сердце точно остановилось.

Ран был уже здесь, смотрел с пониманием, ждал, пока я приду в себя.

– Первый раз всегда так, – сказал он. – Держись за меня, если голова кружится.

Голова закружилась как раз после этих слов. Я снова на миг почувствовала, что взлетаю. Или падаю. Это как посмотреть. Подошла и обняла его руку. И Ран осторожно повел меня вперед, туда, где у горящих костров уже расположились стихийники. Наверное, это был самый счастливый момент вечера. Даже только ради него стоило пройти через все это... Мы вдвоем, и звезды над нами.

Костров было несколько, но компании у них менялись. Кто-то приходил, кто-то уходил. У одного костра пели песни, у другого просто болтали и слышались взрывы смеха. Какие-то гости разбрелись по территории у корпусов, некоторые просто лежали на траве, глядя в небо. А некоторые парочки, делая вид, что прогуливаются, уходили все дальше и дальше в сторону небольшого парка. От одной мысли о том, что они там будут делать, становилось жарко.

Ран подвел меня к небольшому костерку, вокруг которого сидело человек десять. Лица, озаренные всполохами пламени, трудно было узнать, но тут один из сидящих воскликнул:

– Ран, ну ты вообще. Ты зачем ее притащил?

Сердце сжалось. Я узнала его тут же по голосу. И как не узнать родного брата. Ну вот почему Димер никогда не может придержать язык за зубами? Будто я лично для него угрозу представляю. Хотя, может, он именно так и воспринимал. Он бы предпочел забыть, что у него есть сестра-калека.

– Тебя забыл спросить, – ответил Ран и, уже обращаясь ко мне: – Садись, Кора.

Я постелила накидку прямо на траву, как это сделали и другие – у костра тепло, не замерзну в платье. Села, подогнув ноги, понимая в эту секунду, что опять хочу показаться маленькой и незаметной. Разговор, который вели у костра, с моим появлением увял. Все сосредоточенно занялись выуживанием из углей печеных картофелин. Ран и мне подал одну, завернутую в листья, чтобы я не обожгла руки. Маг стихии огня, который может обжечься. Какая грустная ирония.

– А вот интересно, – вдруг подала голос девушка, что сидела рядом с братцем. Я ее еще ни разу не видела, но догадалась, что это Лириса – его новая пассия. – Если просто предположить на секундочку: а что будет, если маг женится на пустышке – их дети родятся с даром или нет?

– Если просто предположить, – сказал Ран, и голос его казался спокойным, хотя, уже зная его, я поняла, что внутри он натянут, как струна, – дети, скорее всего, родятся с даром. Ведь в смешанных браках, хотя они редки, дар всегда наследуется от отца. Другое дело, что едва ли кто-то захочет рисковать.

«Едва ли кто-то захочет рисковать», – сказал он. Хотя я и так знала... Тогда почему сердце словно пронзила раскаленная игла...

– А у меня мама из водных, – подала голос девочка-воздушница, сидевшая с другой стороны от Рана. – Они с отцом очень любят друг друга, хотя все были против их брака. Нелегко всю жизнь проводить под облаками, если привыкла к озерам. Папа специально для нее сделал бассейн, похожий на маленькое озеро, там и домик есть, и рыбки, и сад камней, и... Ну, в общем, она все равно грустит иногда. Хотя говорит, что папу любит сильнее своей прежней жизни.

– Как это ми-и-и-ило, – запели растроганные девушки. – Такая история любви!

Я уже порадовалась было, что разговор свернул в сторону, но Лириса не отцепилась.

– Кора, слушай, а как вообще живется без магии? Это как-то ощущается? Может, как пустота, например?

– Риса, ты что к ней пристала? – уже даже Димер не выдержал, наверное, опасался, что близкое родство со мной и на него бросит тень.

– А что такого? – невинным голосом спросила Лириса. – Я просто спрашиваю. Хочу поближе познакомиться с твоей сестрой. А то она тихая-скромная, и тут – бамс – приходит с Раном. Ран, она теперь твоя девушка, что ли?

– Она – мой друг, – сказал Ран, помолчав секунду.

И уже только за это я готова была простить несносной Лирисе все ее выходки. Друг. Не парень, конечно, но тоже здорово!

– Фух, а я уж испугалась, – рассмеялась другая стихийница, чье лицо было не разглядеть, и непонятно, то ли она шутит, то ли говорит серьезно. – Думаю – неужели? Ран, про которого все говорят, что у него вместо сердца ледышка. И тут такая новость. И ладно бы кто, так без...

Она осеклась, но каждый, сидящий у костра, мысленно закончил за нее это слово. Бездарница. Ну да. С таким, как Ран, мне ничего не светит.

– Я пойду прогуляюсь! – Я вскочила на ноги и убежала в темноту так быстро, что Ран не успел меня остановить. Накидку оставила лежать у костра, поэтому продрогла уже через несколько шагов.

«Успокоюсь и вернусь, – думала я. – Ничего. Ладно. Пустяки какие. Я ведь знала, что так будет».

Решила дойти до корпусов, обойти их вокруг и вернуться обратно к костру. За это время остыну. Надеюсь только, что не простыну, потому что от холода уже зуб на зуб не попадал.

Главный спальный корпус воздушников выглядел как пирамида, стремящаяся ввысь, ее венчала башенка. На башне, как на постаменте, стояла скульптура – мужчина в развевающемся плаще обозревал территорию Академии. Его потому и поставили здесь – в высшей точке Академии.

Конечно, я знала, кто это. Как и любой другой стихийник знал. Это был основатель Академии Кристер Ригер. Именно он создал Академию Пяти Стихий больше трехсот лет назад. Сведений о тех временах сохранилось мало, в основном слухи и домыслы. Каких только легенд не ходило об отце-основателе. Но никто даже толком не знает, магом какой стихии он был. Представители древних родов вот уже сколько лет спорят и приводят веские доказательства того, что мастер Кристер был именно водником, земляным, воздушником, огневиком. К единому мнению так и не пришли.

Неловко стало стоять вот так, рядом с ним. Я недостойна здесь находиться...

– Кора! – голос из темноты отвлек меня от грустных мыслей.

Ран вышел навстречу, неся в руках мой плащ.

– Совсем ведь замерзла, глупая.

Он накинул его на мои плечи, укутал и, как это делают иногда с озябшими детьми, энергично потер мои ладони, разгоняя холод. Вот опять он... Не понимает, что от его прикосновений я загораюсь как спичка. Хорошо еще, что пунцовые щеки не видны в темноте.

– Не обращай на них внимания!

– Я и не обращаю.

Я на самом деле вполне могла понять злость этих девиц. Еще в прошлом году Грета как-то обмолвилась, что Раннитар будто специально делает все, чтобы заслужить то ли всеобщую девичью любовь, то ли всеобщую ненависть. Он оставался безукоризненно вежливым, внимательным, порядочным и приветливым по отношению ко всем стихийницам, но никого не выделял особо. Так что, в общем, я чувствовала то же самое, что они, – таяла под взглядом его темных глаз и грустила оттого, что они смотрят на меня всего лишь с дружеским участием.

– Наверное, ты совсем не этого ожидала от вечеринки, – сказал он. – Иногда некоторые вредные девицы умеют мастерски испортить настроение.

Я промолчала, но он и так понял, что угадал правильно.

– Хочешь, посмотрим на звезды?

– Хочу, – прошептала я. – Посмотрим на звезды, и я пойду домой. Ладно?

– Договорились. Я тебя провожу.

Мы вышли на середину широкого газона и улеглись прямо на траву, которая похрустывала от инея. К счастью, накидки, зачарованные магами стихии

воздуха, не пропускали холод снаружи и не выпускали тепло. Лежать в них даже на остывшей земле было уютно, я только капюшон на голову накинула. И Ран, я увидела это краем глаза, тоже накинул.

Мы молча смотрели вверх, в черный океан неба. Звезды светили так ярко, как должны светить только в разгар лета, но не поздней осенью. Наверное, тоже какое-то волшебство. Мы не разговаривали, и все-таки я ощущала его присутствие и знала, что не одна.

- Кора...

- Что, Ран?

- Думаю, я могу тебе рассказать. Только тебе, пожалуй.

Я затаила дыхание. Он был серьезен, как никогда. Я кивнула, не зная, увидит ли он, но вслух ничего не сказала – боялась, что голос сорвется.

- Знаешь, мне иногда кажется, что во мне тоже существует изъян. Пока не очень заметный, но когда-нибудь все поймут... Я думаю, что совсем не умею любить.

Он смешался, заговорил быстро:

- Нет, я родителей, конечно, люблю, но это ведь не то... Я столько слышал про это чувство. Должна возникнуть искра. Пожар в крови. Молния пронзить. И все такое. Я думал, что это случится когда-нибудь, но нет. Вроде влюбленные способны на безумные поступки, перестают мыслить разумно, а я даже представить не могу ничего подобного.

Я молчала, ошеломленная его признанием, не представляла, что можно сказать. Просто нашла на ощупь руку моего друга и сжала его ладонь. Он сжал мою в ответ.

- Наверное, это не слишком-то мне в жизни помешает. Я буду хорошим мужем для той, кого выберут родители... Но иногда обидно как-то. Словно у меня части души не хватает.

– Ран... Я уверена, что все будет хорошо. Однажды это случится... С самой достойной и красивой... Вот увидишь...

Я путалась в словах, и он, кажется, почувствовал мою неискренность. В глубине души я даже испытывала торжество: если Ран никого не сможет полюбить по-настоящему, то и настоящей соперницы у меня никогда не будет. Зато друг у него уже есть – это я!

Но тут же почувствовала раскаяние – он доверился мне, а я, получается, почти злорадствую. И сказала уже от души:

– Ран, может быть, просто ты еще ее не встретил... Увидишь однажды и сразу поймешь, что это она.

Проклятие, как сжимает сердце.

– Спасибо, Корюшка.

Вот так в этот вечер я потеряла последнюю надежду на то, что Раннитар когда-нибудь меня полюбит. Зато обрела друга. И мне было одновременно горько и радостно. Полный кавардак в душе.

Но даже это было не худшей частью той вечеринки...

– Пойдем домой? – Он протянул мне руку, поднимая с земли.

– Пойдем? – удивилась я. – А разве не полетим?

Ран хитро улыбнулся:

– Этого почти никто не знает, но Аллис показал мне путь с горы, которым можно спуститься вниз. Вообще-то, ходить там запрещено, но иногда приходится пользоваться – не ждать ведь каждый раз воздушника, согласного подкинуть до площадки. Заодно и потренируемся!

Ран сказал это с таким энтузиазмом, что у меня немедленно заныли колени. Хотелось малодушно попросить пощады и выбрать легкий путь – спуск в

компании воздушников, но я промолчала.

Для того чтобы попасть на тропу, пришлось пересечь всю площадку и выйти к противоположному краю. Здесь разбит был небольшой парк, и мы, когда шли, даже спугнули целующуюся в кустах парочку.

– Здесь, – сказал Ран, показывая на край площадки, над которым, словно специально, склонилась кряжистая ветка дуба, закрывая проход. – Пойду первым и буду тебя страховать. Тропинка отвесная, так что ступай очень осторожно.

– Хорошо, – пробормотала я.

Но уйти нам не дали. Из тени деревьев выступили три фигуры, их лица были полностью закрыты черными капюшонами. Не знаю, как они видели что-то сквозь непроницаемую ткань.

– Привет, – сказал глухой голос, тоже измененный до неузнаваемости. – А мы уже примерзли, вас дожидаясь. Я был уверен, Раннитар, что ты поведешь ее этой дорогой. А теперь иди дальше, а мы побеседуем с глупой пустышкой, чтобы не совалась туда, где отдыхают приличные маги.

Не надо было гадать, чтобы понять, кто скрывался под черными капюшонами. Конечно, Вик и его недалекие дружки. Будто маскировка могла кого-то сбить с толку.

Сначала я даже не испугалась. Вик всегда казался мне задиристым и злобным, но трусливым парнем. У него бы смелости не хватило на какой-нибудь откровенно мерзкий поступок. И Ран думал так же.

– Отойди, Вик, – сказал он почти беззлобно. – И сними эту гадость со своего лица.

– Я не Викар, – ответил тот.

Я присмотрелась внимательнее, но по фигурам, закутанным в темные плащи, трудно что-то понять.

Ран крепко взял меня за руку и пошел прямо на них, стараясь показать, что отступить он не намерен, а им ничего не остается, как только расступиться и дать нам пройти.

Парень в капюшоне, перегородивший путь, не сдвинулся ни на сантиметр. А когда Ран попытался его обогнуть, вдруг толкнул его в грудь. Ран, не ожидающий такого поворота событий – все же мы оба до последнего надеялись, что у Вика духа не хватит, – едва не упал, оступившись.

– Еще не понял, Раннитар? Не стоит водить дружбу с пустышками. А теперь иди, оставь ее нам.

На какой-то короткий-короткий миг мне привиделось, что все так и произойдет. Он лишь из вежливости сказал, что мы друзья. Зачем ему вступаться, рисковать ради какой-то девицы – пустышки, бездарницы и просто ни на что не способной слабачки.

Как хорошо, что секунда эта промелькнула в сознании и тут же растаяла без следа, потому что Ран, выпустив мою руку, подтолкнул меня в сторону выхода из парка и встал, перекрывая дорогу троим типам в капюшонах.

– Беги, Кора, – сказал он, не повышая голоса, будто ничего особенного сейчас не происходило, будто он не останется один против троих.

Я не сдвинулась с места.

– Кора, я кому говорю. Немедленно!

Опять включил голос наставника. Безотказный прием. Я после того, как услышу этот требовательный тон, уже действую, не задумываясь. Вот и сейчас сделала несколько шагов назад.

Это словно послужило сигналом к действию.

– А ну стой! – крикнул заводила, стоящий в центре, и ринулся за мной. Двое его подельников попытались схватить Рана за руки, но он – это было последнее, что я увидела, – отбил удары, а потом свалил одного из нападающих с ног и

схватился с Виком. Или это все-таки был не Вик?

Я бежала по парку с бешено колотящимся сердцем. Но постепенно бежала все медленнее. Он там один. Ран, конечно, умелый и сильный, но даже ему не отразить натиск с трех сторон. И на этот раз у него нет деревянного меча.

Но я... Что я смогу сделать, если вернусь? Много ли от меня будет толку?

Впереди уже виднелись костры, которые к этому часу почти прогорели. Многие стихийники разошлись, остались только самые стойкие. Тут я поняла, что надо делать.

– Там Рана бьют! – крикнула я что есть сил, надеясь, что меня услышат. Увидела, как многие посмотрели в мою сторону. Осталось только надеяться, что они поверят пустышке и захотят ей помочь. Ладно, пусть не мне. Пусть Раннитару помогут!

– За мной! – крикнула я, развернулась и побежала в обратном направлении, не оглядываясь и не зная – придет ли кто-то на помощь.

В парке было тихо, так тихо, что я даже испугалась – наверное, уже слишком поздно. Но потом услышала едва слышный треск веток – борьба продолжалась, но все четверо боролись молча. Я подкралась, спряталась за толстым стволом, не зная, чем можно помочь.

Один из нападавших уже лежал на земле. Но двое других наседали на Рана, а он, прижавшись спиной к дереву, еще стоял на ногах и даже оборонялся, но уже из последних сил. Вот пропустил удар, пришедшийся ему в затылок. Пошатнулся и упал на колени.

– Ран, вставай, – прошептала я в отчаянии.

Один из громил поднял с земли камень, прицеливаясь в голову Рана. Они что, совсем с ума сошли? Это уже переходило все разумные пределы. Да, драки на территории Академии частенько случались, но это...

Ран схватился за голову и не видел угрозы.

– Ран! – крикнула я. – Осторожно!

Он вскинул голову на мой голос, но я по глазам догадалась: он не понимает, о чем я хочу его предупредить. Время застыло, хотя я понимала, что застыло только для меня. Камень вот-вот полетит в голову Рана.

Я не глядя зашарила руками по траве, нащупала палку, показавшуюся подходящей, и, не вполне осознавая, что я делаю, кинулась на противника. Палка уткнулась в его живот. Парень крякнул, скорее от неожиданности, чем от боли – я понимала, что удар получился совсем не сильный, – но камень выпустил. Пока оружие не вырвали из моей руки, я успела раза три-четыре его огреть. Била куда придется, скорее всего, бестолково. Наверное, моя ярость со стороны казалась смешной – этакий озверевший мышонок. Зато это отвлекло их от Раннитара, который медленно, но поднимался на ноги.

Заводила схватил меня за капюшон накидки, поднял одной рукой и удерживал на расстоянии.

– Сама пришла, да, пустышечка? За своим любезным Раном? Даже бегать за тобой не пришлось!

Последнее, что я увидела, были огни между деревьев – стихийники спешили на помощь. Я заметила Димера и Бриду – уже хорошо. Да, сестра им досталась – то еще несчастье, но оба знали, что врать я совсем не умею и привлекать внимание глупыми выходками тоже не стану.

А еще я видела, как Ран смотрит на меня. Губы разбиты в кровь, синяк на поллица... Круто он из-за меня влип...

– Полетай, бездарница, – усмехнулся заводила, удерживающий меня за капюшон.

Я не сразу поняла, как это – «полетай»? И даже когда он швырнул меня куда-то в сторону, а кто-то закричал: «Не смей!» – неужели Ран? – еще и тогда не догадалась.

Но полет все длился, хотя я почти сразу должна была приземлиться в какие-нибудь колючие кусты и ободрать себе все руки.

И тогда я поняла.

Он швырнул меня вниз с горы.

Мамочки...

Глава 11

Курсовая

Я слышала как-то, что люди, упавшие с большой высоты, умирают вовсе не от удара о землю. Они умирают куда раньше – еще в полете: просто сердце не выдерживает и останавливается.

Поэтому, когда тьма навалилась вдруг со всех сторон, последней мыслью было: «Я умерла!»

И почти сразу вслед за этим – похлопывание по щекам и громкие голоса.

– Открой глаза! Кора, открой глаза!

Оказывается, на том свете толпы людей, и всем что-то от меня нужно. Я так устала. Оставьте меня в покое. Но они не отставали – тормошили, кричали в ухо. Неугомонные. Кто-то сунул под нос пузырек с вонючей жидкостью, от которой дух перехватило. Глаза открылись сами собой.

– Она жива! Кора, тьма тебе в печенку, перепугала всех!

Это Димер. Радует, что ли? И он, похоже, не один радовался. Я слышала, как у многих сорвался вздох облегчения, как заговорили все разом.

- Жива!

- Отлично!

- Аллис молодец. В последний момент...

- И она молодец тоже.

- А этих кто-нибудь поймал?

И только одного голоса я не слышала - голоса Рана.

- Где Ран? - Я попыталась приподняться, но кто-то уложил мою голову обратно на свои колени. Кто это мог быть? Подняла глаза, и на лице, должно быть, проступило разочарование, потому что Брида, на чьих коленях я лежала, не сдержала улыбки.

- С ним все хорошо. Держался до последнего, и только когда Аллис вынес тебя наверх и сказал, что успел поймать у самой земли, Ран тоже решил... Хм... Отдохнуть. Ребята потащили его к медикам. А ты молодец, Коря... Кора.

- Их поймали? - повторила я вопрос, который интересовал не только меня.

Брида помрачнела.

- Нет... Просто наваждение какое-то. Кто-то втянул их в огненный портал.

- Ого! Как все серьезно... Думаешь, это был не Вик с друзьями? Похоже на его выходки... Только сейчас он все границы перешел.

Брида покачала головой:

- Я не знаю... Думаю, правда скоро выяснится. Директор это дело так не оставит. А пока - спать! Тебе нужен отдых!

- Я отнесу, - сказал Аллис, который стоял тут же.

Другие воздушники вызвались доставить вместе со мной Бриду и Димера. Я знала, что они не захотят лететь. Уже открыла рот, чтобы сказать: «Да, конечно, все нормально, оставайтесь!» Но они почему-то отказываться не стали. Видно, тоже устали и хотели домой.

Аллис взял меня на руки и легко поднял в воздух.

Кто-то позади меня сказал, не зная, что я услышу:

– А девчонка-то что надо. Я презирал сначала, но она ничего, не сдаётся. Все же кровь Флогисов чувствуется.

Невидимая собеседница ответила:

– Ой, давай влюбись еще... Ладно. Я тоже рада, что все обошлось.

Димер по дороге на мой этаж отстал, но Брида проводила до комнаты, дождалась, пока я лягу, и подоткнула одеяло, как делала когда-то в детстве бабушка. Мы обе молчали, не зная, что еще можно сказать.

– Спи. Завтра будет новый день, – сказала моя старшая сестра. Смелая и сильная, никогда не признающая слабости и не очень-то умеющая утешать. Поэтому из ее уст эти слова были равноценны самым крепким объятиям.

На следующий день только и разговоров было о неизвестных, напавших на меня и Рана, о Ране, который защищал меня, и обо мне, отправившейся в полет из-за того, что я пыталась защитить его. Жаль только, что разговоры ходили за спиной, но никто не решился подойти и просто поговорить со мной об этом. Странное чувство – я была героем дня, но в то же время умудрялась оставаться невидимкой. Правда, за завтраком больше не осталось свободных стульев между мной и другими первокурсниками. Я даже глазам не поверила – Вита и Норли, ее подружка, решили сесть рядом.

Вик и его приятели явились на занятия как ни в чем не бывало. Они отметали все подозрения в своей причастности, а так как на лицах не осталось ни одного синяка, доказать их участие в драке было невозможно. Или это действительно были не они?

Утром я не обнаружила Рана на нашем обычном месте встречи. С трудом дождалась вечера – еще ни разу я не выбегала на тренировку с таким энтузиазмом. Но Ран вновь не пришел. Я всерьез обеспокоилась и поднялась в комнату Димера.

– Так, мелкая, мы не друзья, – заявил он, едва приоткрыв дверь. – Я рад, что ты жива, но на этом все!

Он уже хотел оставить меня за порогом, но я всунула ногу в щель.

– Димер, я только хочу узнать, что с Раном. Где он? Почему не приходит на тренировки? С ним все хорошо?

В моем голосе, наверное, звучало неподдельное беспокойство, потому что Димер сменил гнев на милость.

– Ну что ты так переживаешь, – сказал он вполне миролюбиво. – Ничего с твоим милым Раннитаром не случилось. Он в подводном корпусе, там раны быстрее всего залечиваются. Вернется через три дня. Ему уже давно, кстати, надо было там отсидеться. Ты же знаешь – водники должны хоть раз в месяц несколько дней провести в воде. Ну, и у тебя отдых будет!

Три дня тянулись словно три месяца. Но вот утром четвертого, хотя я не ждала его так рано, раздался стук в дверь. На пороге стоял хмурый Ран, сжимающий два наших многотрадных меча. От синяков и ссадин не осталось и следа, зато взгляд темных глаз не предвещал ничего хорошего. Но как же я все-таки соскучилась по этому его взгляду!

– Так, Кора, я не понял! Сколько можно тебя ждать? Мое недолгое отсутствие не должно давать тебе повода отлынивать от тренировок.

Я потупилась. Его привычный тон наставника. Будто и не было тех минут, когда мы смотрели на звезды. Может, правда приснилось? Но тут он улыбнулся, как-то неловко дотронулся до плеча.

– Да я шучу, Кора.

– Ох, Ран...

Надеюсь, я не слишком его шокировала, когда бросилась ему на шею и использовала его куртку в качестве носового платка.

– Я так испугалась... – всхлипывала я. – Ты... А они... Их так и не нашли!

Ран молчал, только легонько гладил меня по спине, едва касаясь.

– Ну все! Все! – сказал он, когда рыдания стали стихать, и достал из кармана настоящий носовой платок. Эти его карманы – просто кладезь полезных вещей. Даже любопытно стало, что там еще может быть.

Он потянулся с платком в руках к моему носу, но в последнюю секунду затормозил и сунул его мне в руки.

– А если ты надеялась, что это спасет тебя от сегодняшней тренировки, то надеялась зря! – сказал он нарочито грозно. – На сборы пять минут.

Но потренироваться тем утром нам так и не удалось. По пути на полигон нас нагнал мой куратор:

– Раннитар и Кора, вас вызывает к себе директор.

Мы удивленно переглянулись – думаю, у нас промелькнула одна и та же мысль: станет расспрашивать об обстоятельствах драки.

Мы поднялись по широким мраморным лестницам центрального корпуса, прошли по тихим и пустым коридорам – ведь занятия еще не начались – и встали у массивной черной двери. Меня почему-то пугала эта дверь, так что я обычно, даже не осознавая, что делаю, пыталась прошмыгнуть мимо нее на цыпочках и всегда сочувствовала бедолагам, вынужденным сюда зайти. И вот теперь я сама вызвана на ковер. Знала: вины за мной нет, но все же волновалась.

– Проходите!

Директор приподнялся со своего места, приветствуя нас, и вновь опустился в кожаное кресло, обитое кожей ворны – редкой бестии устрашающих размеров. Напротив стола стояли стулья для посетителей, но сесть нам не предложили. Оно и понятно: мы лишь студенты, влипшие в неприятности. Мы замерли у стола и молча ожидали начала разговора.

Терран Аквидус переводил взгляд с меня на Рана. Я стояла с опущенными глазами, а Ран, я увидела мельком, без стеснения смотрел прямо на директора.

– Раннитар. Кора. Я рад, что в той возмутительной ситуации вы оба повели себя решительно и достойно. И рад, что благодаря вашим действиям все закончилось лучше, чем можно было предположить. Я приложу все усилия для того, чтобы найти виновных, и они будут наказаны со всей строгостью.

Что-то мне это напомнило. Директор почти теми же словами обещал разыскать виновных в разрушении теплицы. Кстати, я так и не слышала, что расследование чем-то завершилось. Я искоса посмотрела на Рана, пытаюсь определить, не совпадают ли наши мысли, но его лицо оставалось бесстрастным.

– Но я вызвал вас не только по этому поводу. У меня серьезный разговор к вам, студенты.

Вот так поворот. И все? И больше ни слова про этот отвратительный случай?

– Ты ведь не выбрал еще тему для своей курсовой? – Терран Аквидус в упор посмотрел на Рана.

Тот качнул головой:

– Нет. Как раз думал над этим. Возможно, изучение сезонных...

Директор поднял руку, прерывая:

– Не против, если я предложу?

Ран на миллиметр приподнял бровь, так, что заметила это только я, но, подумав секунду, кивнул:

– Конечно, директор.

– То, что я хочу предложить, может показаться тебе странным, но сначала выслушай. И ты, Кора, послушай. Ни для кого не секрет, что, к сожалению, наша старательная студентка Кора Флогис не обладает магическим даром.

Я сжалась. Зачем он это говорит? Хочет отчислить? И правильно, от меня одни проблемы... Я сама не хотела ехать в Академию, но сейчас мне стало страшно, что он произнесет это вслух: «Отчислена». И все, что сейчас для меня важно – тренировки, попытка сдать на высший балл хотя бы теорию, – мгновенно теряет смысл.

– И вы оба, конечно, знаете, что в двух процентах случаев дар у стихийников, подобных Коре, только дремлет, но может быть разбужен, – продолжил директор, и я поняла, что здесь что-то другое, что-то очень интересное. – Обычно это происходит в экстремальных обстоятельствах, но никто не знает точно формулы – как, где и почему это случается. У всех по-разному. Я хочу предложить тебе, Раннитар, раз уж ты все равно тренируешь Кору, попытаться пробудить в ней магические способности. Даже если ничего не выйдет, а вы должны понимать, что, скорее всего, ничего не выйдет, то в любом случае у тебя получится интересная, уникальная в своем роде курсовая работа. А у тебя, Кора, отличные баллы по всем предметам за год.

– Два процента? – прошептала я.

Два процента на счастливую полноценную жизнь, когда я больше не буду изгоем и пустышкой. Перестану быть позором рода. Смогу выйти замуж... Ладно, про это надо думать в последнюю очередь, и все же... Против девяноста восьми процентов одинокой жизни затворницы в родовом замке. Почти нулевые шансы на успех, и море слез, усилий, нервов и бессонных ночей, которые наверняка ждут меня, если я соглашусь.

– Откровенно говоря, я не думаю, что это хорошая... – начал Ран.

– Я согласна! – сказала я, не давая ему договорить.

Да, я согласна и с тем, что это не очень хорошая мысль. Но два процента лучше, чем ничего, правда?

- Отлично!

Директор Аквидус выглядел очень довольным, словно это действительно было для него важно. Может быть, на основе курсовой Рана хочет писать докторскую? Кто их поймет, этих преподавателей.

- Я стану твоим руководителем. Буду ждать отчета каждую неделю. В конце этой прошу доложить мне, с чего вы планируете начать.

- И с чего мы планируем начать? - спросила я Рана, едва мы вышли из корпуса.

Ран не отвечал - злился на меня. Его вновь заставили делать что-то против воли, хотя он ясно дал понять, что ему совершенно не нравится эта затея.

- Даже не знаю, - процедил он сквозь зубы. - Может быть, опять отправим тебя в полет? Напустим бестий из теплицы? Немножечко подождем? Что выбираешь?

- Ран...

- Кора, извини, если скажу обидную правду, но если все это не разбудило твоих способностей, значит, у тебя их просто нет.

Он шагал вперед, в сторону полигона, даже не оборачиваясь. Я шла чуть позади, почти бежала, чтобы не отстать. Да, он прав... Но так отчаянно хотелось надеяться. Ну, вдруг!

- Директор сказал, что никто не знает точно: как, где и почему. Может быть, это был просто не мой случай! Ран!

Он не оглядывался.

- Ран!

Предательские слезы. Если он теперь будет вечно на меня злиться, я этого просто не вынесу. Потерять единственного друга, едва он у меня появился...

Он понял, что я снова реву. Вернулся. Взял за плечи и, откинув капюшон с моего лица, посмотрел прямо в глаза.

- Кора, мне придется напрасно тебя мучить. Мне этого совсем не хочется.

- Может, что-то неопасное п-попробуем? Пожалуйста...

Он грустно усмехнулся, покачал головой:

- Какая же ты упрямая, Кора. Попробуем, хорошо.

- Ура!

Я что, действительно радуюсь ожидающим меня бедствиям? Кошмар.

- Но я действительно не знаю, с чего можно начать, - признался он.

Да, задачка. Все перечисленные способы повторять не хотелось. К тому же они мало мне помогли. А может...

- Слушай, где-то ведь должны храниться сведения о тех, кто из пустышек превратился в магов?

- В библиотеке! - воскликнули мы оба.

- Я даже примерно представляю, как выглядит эта книжица, но она вроде хранится в закрытой комнате...

- А у меня есть ключ, между прочим! - похвасталась я.

В маленькой прохладной комнате стоял только один стол для работы, и он уже был с горкой завален книгами. Ран относился к старинным фолиантам не с таким трепетом, как я, - бесстрашно брал в руки, пролистывал и добавлял еще одну

книгу к десяткам уже просмотренных. Я не мешала, терпеливо ждала, притулившись к стеллажу. Боялась, что смогу случайно пропустить нужную книгу, если кинусь помогать Рану. Книги здесь действительно хранились очень старые, написанные древним алфавитом и с соответствующей орфографией, так что придется повозиться, прежде чем поймешь смысл.

Время от времени я брала книгу, которая чем-то привлекла мое внимание, и пыталась читать.

– Посмотри-ка, это жизнеописание магистра Ригера. Кристера Ригера, основателя нашей Академии!

Я листала толстую книгу с деревянными пластинами вместо обложек. Страницы были тяжелые, пожелтевшие. На первый взгляд казалось, что эта книга – ровесница Академии, но Ран кинул беглый взгляд и развеял мои надежды:

– Вышла лет через сто после его смерти. Думаю, полна домыслов, как и все остальные.

«І раділся великій маг, и жіл, і творіл великіе дела он во тьме, что разраслась тогда...» – прочитала я. В общем, все понятно, но голову все равно можно сломать.

– Ага, нашел!

Ран поднял над головой тоненькую книжечку в кожаном переплете, на обложке золотыми буквами вытеснено: «Чудесніе случаи ізбавленія от душевной скорбі». Мило. Еще одно славное название для моего изъяна. Может, пора начинать их коллекционировать?

На обложке также был обозначен временной промежуток. Я прикинула – примерно сто лет. Все «чудесніе» избавления поместились в одну тоненькую книжицу. Оптимизма это не внушало.

Но я постаралась изобразить на лице улыбку и кивнула:

– Ну, давай посмотрим, что там.

Короткие рассказы сопровождалась зловещими картинками. К счастью, у каждой истории был счастливый финал. Все они заканчивались одной и той же фразой: «І дар обрел в тот же миг, и счаслів был, і полезін до канца своїх дней». Составитель сборника, видно, считал, что лишние подробности ни к чему, и так все понятно – счастлив и полезен.

Иллюстрация к первому рассказу изображала человечка в воде с разинутым от ужаса ртом, так что уже можно было догадаться о содержании.

– Слушай, – встрепенулся Ран. – А ты плавать умеешь?

Глава 12

Как утопить пустышку

– Нет, – честно ответила я.

Наш родовой замок располагался среди степей, даже до ближайшего озерца надо было добираться несколько часов. Одних нас к озеру не отпускали. Иногда, в жаркие летние дни, отец создавал портал и переносил нас на пляж. Но эти случаи были редки, мы только плескались, как лягушата, у самого берега, а дальше зайти не решались. Я не решалась. Потому что Брида и Фрост потом плавать все же научились.

Сердце екнуло он нехорошего предчувствия. Что, Кора, уже готова дать задний ход?

– Я не умею, – повторила я, собрав волю в кулак. – Вот только, Ран, я не совсем понимаю, как это мне поможет. Плавание скорее связано с магией воды, а не огня.

– Так ты не знаешь? – Ран выглядел удивленным. – Дело в том, что у пустышек может пробудиться какая угодно магия. Нам рассказывали на втором курсе такую теорию – иногда магия дремлет, потому что неясно, какая именно магия преобладает в крови. Смешанные браки ведь разрешены. И кто знает, сколько

было в твоём роду воздушников, водных и земляных. Все они перепутались в твоей крови, и ни одна сила не может взять верх над другой. Ну, это только предположение, конечно. Никто не знает наверняка.

Ран, пока говорил, продолжал бегло просматривать книгу, остановился на одной из страниц.

– Вот, послушай. Здесь об этом тоже написано: «Так і огненні можуть водними стати, і сілу повітряну іметь, і землю управлять, якщо дозволено буде дару їх прабудіться...»

Удивительно. Я никогда не задумывалась над тем, почему это произошло. Мысль о том, что во мне может дремать не только магия огня, но и магия других стихий, вдохновляла. Правда, не стоит забывать и о мизерности процентов, дающих надежду. И все же...

– Значит, попробуем плавание?

Ран кивнул. Судя по его лицу, он, приняв один раз решение, больше не сомневался. Ох, чувствую, наплачусь я еще с этим наставником!

– Сегодня вечером, после занятий.

Сумерки в это время года наступали рано. Когда я, переодевшись в купальник и накинув поверх платье и накидку, подошла к озеру, уже совсем стемнело.

Волны чуть слышно накатывали на пустой песчаный берег, небо, укутанное в хмурые осенние тучи, не пропускало даже свет звезд. Я сняла капюшон, и холодный ветер тысячами игл вонзился в щеки, растрепал волосы. Я задрожала. И даже не столько от холода, сколько от страха. Невозможно представить, что сейчас придется зайти в эту черную неприветливую воду.

– Готова?

Ран вышел из-за моей спины, расстегнул мантию и бросил ее на островок травы. Встал, скрестив руки на груди.

– Я там замерзну насмерть, – грустно сказала я. – Курсовая получится очень короткая.

– Хм, – сказал Ран. И больше ничего. Конечно, он так и думал, что этим кончится: как только серьезное испытание окажется прямо перед моим носом, я испугаюсь и отступлю.

– Ладно.

Я расстегнула накидку, расстегнула платье, сняла сапожки и, наконец, осталась только в купальнике. Зуб на зуб не попадал, я продрогла насквозь.

– А ты почему не раздеваешься? – спросила я, стуча зубами от холода.

– Кора, вода – моя стихия. Я выйду из воды в той же сухой одежде, что зашел в нее.

– Н-н-не-ч-ч-честно...

Я даже уже слова выговаривала с трудом.

– Ладно, пусть будет честно.

Ран быстро, через голову стянул рубашку, скинул брюки и остался в шортах. Я даже на время забыла стучать зубами. Ну, братьев, понятное дело, на озере я тоже в плавках видела, но это был Ран. Мурашки по моей коже теперь побежали, похоже, не только из-за озноба.

– Ч-что за амулет? – спросила я, пытаюсь отвлечься от любования его великолепно сложенным телом.

Оказывается, Ран носил на шее цепочку со странным символом: крест-накрест перечеркнутый круг, а внутри круга вроде бы лабиринт. Он всегда прятал ее под рубашкой, так что я впервые увидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/platunova_anna/akademiya-pyati-stihiy-iskry-ognya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)